

12+

Виктор Ананишнов

ХОДОКИ ВО ВРЕМЕНИ

ВРЕМЯ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА
КНИГА 4

Виктор Ананишнов

**Ходоки во времени. Время
во все времена. Книга 4**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Ананишнов В. В.

Ходоки во времени. Время во все времена. Книга 4 /
В. В. Ананишнов — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Завершающая книга четырехтомника о Ходоках во времени... Можно
написать автору - почта в конце книги.

Настоящее – тень прошлого,
будущее – рассеянный свет настоящего.

Время есть величайший из новаторов

Ф. Бэкон
Книга четвёртая
ВРЕМЯ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

Часть одиннадцатая КОЛОНИЯ

Весьма различны времена по временам...

Изжив себя, рождает время – время...

Пауль Флеминг

Случай определяет только форму того,
что с нами происходит.
Ж. Сорель

Долгая отлучка

Казалось, Шилема иных слов не знала, кроме как на одной ноте тянуть:

– Я верила... Я верила...

Она то прижималась к Ивану, то обнимала Джордана, донельзя смущённого такими её действиями.

– Чего это она, чего? – говорил он при этом. – КИРГИШЕТ, ты это... чего это она?

Ивана приводило в смятение другое: он не видел того, что покинул десятками, по его представлениям, минутами раньше.

Костёр горел в дебрях леса. Один. И при нём была одна Шилема.

Наконец, он прижал руки временницы по швам и остановил её причитания.

– Шилема!.. Шилема!!.. – пришлось ему прикрикнуть, чтобы привести её в состояние, когда она могла реагировать на его слова.

– Да, КИРГИШЕТ, да... Я знала...

– Это мы уже слышали. Где накруз?.. Мивакуки?.. Где наши?.. Что здесь произошло? – Иван почти кричал ей в лицо, пока она перестала вырываться из его рук и причитать о своей вере в его возвращение.

– КИРГИШЕТ, это и вправду ты... А я... – Она поникла. – А я здесь одна. Уже почти полтора года.

– Ч-что?! – ахнул Иван от её заявления. – Как полтора года?... Каких ещё полтора года?

– Полтора года, как тебя взяло время.

– Что за чушь? Джордан, ты что-нибудь понимаешь?

– Не больше твоего. У неё... э-э... того. Шилема, нас здесь не было полтора года? Так?

– Скоро год и пять месяцев...

– Неужели? – Иван оглянулся на мягко колышущееся облачко, мирно ожидающего своего ездока во времени. – Это я... виноват. Поторопился... Тогда... Надеюсь все наши живы-здоровы?

– А что им будет? – неприязненно отозвалась Шилема.

– Вот и хорошо! А, ну-ка, за мной!

– Опять? – Джордан отшагнул от Ивана. – Ничего...

– Потом скажешь! – Иван волок за собой ничего не понимающую, что с ней хотят сделать, Шилему.

Облако раздалось в объёме и впустило всех троих.

– Сейчас мы исправим...

– Где мы? – испуганно метнулась Шилема, но Иван крепко держал её за руку.

– Парадокс встреч... – обронил Джордан.

– Вот и проверим! – Иван зло ощерился. О парадоксе он забыл подумать. – Проверим...

Облако по его команде колыхнулось, посулив Ивану надежду. Но осталось на месте, не отвоёвав у прошлого ни секунды, словно привязанное к одной точке времени крепкими путами.

– Чёртов транспорт!.. Колымага несчастная! – воскликнул Иван. – Или я чего-то не понимаю!

По идее, как ему казалось, для этого вневременного и вне пространственного кокона, что по сути своей, представлял подарок Нардита от Времени, должна быть доступна любая пространственно-временная точка на территории планеты и в протяжённости её существования как небесного тела. Но оказывается, что и здесь действуют какие-то закономерности или, строже, законы. И один из них, возможно, не нарушение последовательности уже совершённых событий. В этом как раз кроется парадокс встреч.

Тем не менее, перескочить эту последовательность, наверное, можно, чтобы двигаться в прошлое...

– А ну-ка!.. – подал мысленный импульс Иван, заставляя облако двигаться встреч временного потока.

Оно, словно набралось сил и решимости, плавно двинулось по оси времени, минуя, как ни старался Иван остановить его, момент появления здесь острова мивакуков, а погрузилось месяцем раньше того и только тогда остановилось.

– Хм... Чёрт возьми! – опять выругался Иван, но уже с некоторым удовлетворением: его представления, по-видимому, были близки к истине – облако двигалось так, как он и думал.

– Не хочет? – поинтересовался Джордан. – Но Шилема с нами. Ведь это странно. Так?

Иван, думая, что ответить, надул губы и с шумом выпустил воздух.

– И да, и нет... Пока ничего определённого сказать не могу.

– Где мы? – несвойственным для Шилемы жалобным голосом, спросила она.

– Считай, что в сказке.

Иван улыбнулся ответу Джордана на вопрос временницы.

– Ты хорошо сказал. Я сам всё время думаю о том же... Не в сказке ли я нахожусь? Не сплю ли?.. Однако, – вздохнул он, – будем возвращаться, и послушаем Шилему.

– Где мы?

Всё-таки, может быть, она и права была, говоря о полуторалетнем отсутствии Ивана и Джордана, но сама она явно изменилась. В ней поселились печаль и уныние.

– Тебе не надоело спрашивать об одном и том же? – отозвался Иван, но без нажима, а лишь укоряя её. – Ты нам расскажешь, как вы тут жили, и где сейчас наши друзья? А мы расскажем тебе...

– Какие они друзья?! – вспылила Шилема, и глаза её блеснули, как прежде.

– Но-но! Расскажешь, а уж потом обсудим: друзья они или нет.

Костёр догорал. Догорали звёзды, и восток уже обозначился светлой окантовкой.

А Шилема всё рассказывала, иногда едва не плача, порой грубо и обличительно, а то и переходя на простое перечисление событий или на обычное повествование.

В тот день сон сморил всех ходоков. Никто не видел подарка Нардита, и пропажу в нём Ивана и Джордана. Пробуждение оказалось долгим и вялым. Наступал вечер. Первые слова, которые были произнесены внятно и без зевоты, принадлежали дону Севильяку.

– Пора бы поесть... Хиркус! Что-нибудь у нас ещё осталось?.. Давай съедим, а потом на охоту, а?

– Поздно на охоту, – сказал Арно и широко зевнул. – КЕРГИШЕТ и ... Джордан с ним, наверное, уже пошли.

– Тогда... Всё равно есть-то уже сейчас хочется. Так найдётся у нас что? Хиркус!

– Если поскрести...

– Так скреби! – воспрянул духом дон Севильяк. – Поедим и...

– И что?

– А то. Я ещё посплю.

Хиркус под ревнивые взгляды ходоков и женщин выложил остатки еды и демонстративно вытряхнул мешок, где она хранилась.

– Всё! А это, – Хиркус отложил в сторону две неравные части, – КЕРГИШЕТУ и Джордану. Тоже есть хотят.

Ели молча. Голод мучил всех, но никто не торопился сразу проглотить свою порцию, словно боясь после этого смущать голодным взглядом тех, кто пытался протянуть удовольствие от еды.

Подступала ночь. Тихая, безветренная.

После еды и дневного сна все приободрились. Вели тихие разговоры. Время от времени бросали взгляды в темнеющие заросли, поджидали ушедших на охоту.

– Что-то они припозднились.

Дон Севильяк поднялся во весь рост и попытался разглядеть что-либо с накруза поверх деревьев.

– Зато принесут много, – обнадёжил себя и всех Хиркус.

– Особенно Джордан, – хмыкнул Арно, охватив талию Илоны. – Надо бы костёр разжечь. Уже темнеет.

– Да, да, – поддержал дон Севильяк, но с места не сдвинулся.

Он долго вглядывался в даль и гадал: показалось ему или нет? Там, далеко-далеко, в низине мелькнули огоньки.

– Тогда, – Хиркус тоже встал и потянулся. – Пойдём вниз? Встретим?

– Постой! – остановил его дон Севильяк. – Посмотри вон туда.

– Смотрю. И что? – небрежно сказал Хиркус. – Лучше идёмте вниз. На костёр они вернее выйдут.

– Значит, показалось, – разочарованно буркнул дон Севильяк.

Он ещё постоял, но там, где горели огни, даль заволакивалась туманной вечерней дымкой.

– Что показалось? – тронула его за руку Лейба и ревниво покосилась на подружку – Херуссу.

Херусса ответила ей таким же взглядом. Они, стоя по бокам ходока, оттеснили от него Аннет.

– Ничего! – отрезал дон Севильяк и, тяжело ступая, направился вниз с острова мивакуков вслед за Хиркусом, увлекая за собой его и своих женщин.

Костёр горел и прогорел, а КЕРГИШЕТ и Джордан не появились.

Если у кого-то из ходоков и возникло беспокойство или предчувствие неприятности в связи с отсутствием Ивана, то пока они загоняли их вглубь и не высказывались вслух. В конце концов, они с Джорданом, увлечённые охотой, могли уйти слишком далеко. Ночь где-нибудь переночуют, а утром вернуться. Во всяком случае, верили, что так оно и есть и будет на самом деле. Оттого, сидя вокруг костра, говорили о прежней своей жизни, делились воспоминаниями о забавных случаях, в которых им пришлось поучаствовать.

Слушая ходоков, женщины тоже разохотились и тоже поделились некоторыми тайнами своего бытия.

Короче: вечер удался, если бы не отсутствие Ивана и Джордана, и желания что-нибудь поесть.

На остров мивакуков поднялись за полночь. Луна, хотя и невысокая над горизонтом, давала достаточно света, чтобы идти, не спотыкаясь. Здесь, наверху, их ожидал убийственно неприятный сюрприз.

Жулдас с Икатой к костру не спускались, что не вызвало ни у кого удивления. Ходок словно присох к этой женщине. Кроме неё он, казалось, ничего не видел и не слышал. Но когда к вершине накруза поднялись люди, он встретил их взволнованными словами:

– КЕРГИШЕТ ушёл от нас навсегда!

– Эй! – воскликнул возмущённо Арно, когда первое замешательство от известия прошло. – Что ты выдумываешь?

– Он здесь был? – быстро спросил Хиркус. – В то время, когда мы внизу жгли костёр?

Жулдас отрицательно мотнул головой и из-под лба посмотрел на Арно, затем на Хиркуса.

– Я не выдумываю. И здесь он не был.

– Тогда откуда узнал?

– От них, – Жулдас повёл рукой в сторону плотной группы трясущихся мивакуков.

Они тряслись и на людей не обращали внимания. Впрочем, кто мог знать, что они сейчас думают, да и думают ли? Обращают внимание или не обращают?

– Как же тебе удалось понять их, если даже КЕРГИШЕТ не смог? – Шилема подступила вплотную к Жулдасу, заставив его отступить назад.

Иката взяла его под руку и придержала.

– Иката сказала... Нет, она показала. Я её уже понимаю

– А ей кто сказал?

– Мау-ма сказал. А ему мивакук главный сказал...

– Ну вот, – подала голос Хелена, – один сказал, другой сказал...

– У нас это называлось, – продолжила Шилема, – испорченным...

– Подожди! – оборвал её дон Севильяк, тяжело и неуклюже поворачиваясь во все стороны. Он втянул голову в плечи и подался корпусом в сторону Жулдаса. – Так что сказал мивакук этот... главный?

Жулдас выпрямился, черты лица его ожесточились.

– Он сказал... примерно так. Что Защитник Времени выполнил своё предназначение и теперь ушёл в другое время.

– Сбежал, значит, – неприязненно резюмировала Лейба, пока остальные размышляли над сообщением Жулдаса.

– Заткнись! – свирепо бросила Шилема. – КЕРГИШЕТ не мог сбежать. Он – КЕРГИШЕТ!

– Да уж, – реплика Арно не отражала уверенности Шилемы. – К тому же прихватил с собой Джордана. Этот болтун также выполнил своё предназначение. Смешно, а?

– Смеяться будем позже, – Хиркус глянул на небо, где Луна стремительно закатывалась за горизонт, и разгорались звёзды, и с тоской в голосе проговорил, отбросив всякую артистичность: – Занесло нас... Что мы без КЕРГИШЕТА? Ноль!..

Дон Севильяк от его слов тяжело вздохнул.

– Ваня просто так от нас уйти не мог, – сказал он. – Что-то с ним или у него случилось.

– Да, да, – с жаром поддержала его Шилема. – Он нас не бросит! Он за нами ещё вернётся!

– Так! – твёрдо сказал Арно. – Будем надеяться на то, что КЕРГИШЕТ скоро появится...

И ждать.

Введённые в курс дела женщины притихли. Для них исчезновение Ивана пока что оставалось причиной для полусонного обсуждения. Правда, Хелена и, подражая ей, Рада метали

возмущённые молнии, так как считали себя больше всех пострадавшими от Ивановой отлучки. Если, конечно, утверждение Жулдаса верное, и Иван ушёл (куда и как для них всё это оставалось ещё за гранью чудесного, а значит, непонятного), а вернее, сбежал, бросив их.

Бросил именно их: Хелену и Раду, от чего они теперь сразу выпадали из негласно возникшей структуры группы «ходоки – женщины».

Как бы к ним не относился Иван, они всё-таки считали себя как бы «приписанными» к нему. И сейчас, когда ещё ничего не было известно полностью, они уже ощущали холодок, исходящий от недавних подруг-сестёр, обеспокоенных своим более-менее устоявшимся положением под эгидой Арно, дона Севильяка и Хиркуса. А, зная Хелену, они могли ожидать с её стороны поиска новой поддержки среди оставшихся мужчин.

Дон Севильяк посетовал, что не успел засветло заглянуть в соседние заросли, чтобы подстрелить кого-нибудь на ужин. Впрочем, подстрелить не какую-нибудь мелочь, а большого, хорошо бы жирненького... Название животного и его принадлежность к какому-либо роду им не называлось, но подразумевался кабан или некое сравнимое с ним по величине и питательности животное; последнее, естественно, в представлениях самого дона Севильяка.

Оголодавшие люди коротко обменялись мнением в поддержку его разглагольствованиям, однако Хиркус холодно заметил:

– Не разжигай аппетит на то, чего нет! Иначе в слюне захлебнуться можно. И вы его не слушайте! – строго приказал он Катрине и Жесике. – Лучше залечь спать до утра. А утром... Утром дадим возможность дону Севильяку осуществить свою мечту и накормить нас. А там, глядишь, и КЕРГИШЕТ появится. С ним подумаем...

– Он ушёл навсегда, – угрюмо напомнил Жулдас, вводя опять в уныние людей.

– КЕРГИШЕТ вернётся! Вот увидите! – пыталась увещевать и поддержать всех Шилема.

– Когда вернётся, тогда и увидим, – неприязненно не то к Шилеме, не то к КЕРГИШЕТУ сказал Арно.

Побледневшая луна слегка покрылась позолотой и канула за горизонт. Из окружающих лесов и низин потянуло прохладой, тишина округи порой прерывалась отдалённым визгом или шумом борьбы ночных обитателей. Звёзды безумно горели на небосклоне непохожими, а поэтому незнакомыми пришлым из будущего людям созвездиями.

Арно и Хиркус гадали, правда, без оживления и споров, по расположению звёзд, в каком времени они застряли. Пришли к выводу: до их настоящего не менее двух десятков миллионов лет. Вздохнули и потеряли интерес к своим изысканиям из-за безнадёжности самим осилить невозможное временное расстояние.

Остаток ночи проспали. Спали как будто не беспробудно, но утром, когда проснулись полностью, впали в лёгкую панику. Все они лежали на утрамбованной земле, а накруз с мивакуками, Жулдасом, Икатой и её братом исчез...

Необъявленное бегство недавних соратников в борьбе с хырхоро, да ещё с ходоком, обрушилось на затерянную во времени горстку людей страшным ударом, усугубленным до сих пор не вернувшимся КЕРГИШЕТОМ. Все осознали, а ходоки в большей степени, что эта примятая островом мивакуков поляна, а также подступающие к ней заросли деревьев и кустарников, небольшой луг в пойме недалёкой речушки, а также новые созвездия над головой и животные, обитающие в лесах, полях и в воде, – всё это теперь их новый мир, из которого им никогда уже не выскочить...

Шилема всплакнула, вспоминая, как тот несчастный и последующие дни, повлекли за собой такие перемены в их жизни. Ведь никто из них – как удручённых, а то и взвинченных до предела – не предполагал, не предвидел, не планировал оказаться в таком безвыходном, по сути, положении до конца жизни.

– Дон Севильяк рычал зверем... Хиркус бесился из-за потери зрителей... – перечисляла Шилема. – А эти, – подразумевала она женщин, – узнав, что случилось, рвали на себе волосы... А Арно... Мы думали, что он готовится к самоубийству... Притворялся, как оказалось!

Шилема всхлипнула, подняла к небу озарённое красным светом костра похудевшее лицо и так застыла, оцепенела.

Иван сидел с полужакрытыми глазами, мысленно представляя переполох, учинённый вначале с его уходом якобы навсегда, сделав своё дело, а потом с растворением во времени мивакуков вместе с островом и людьми. Впрочем, особого сопереживания к ним, попавшим в такое положение, он почему-то не ощущал.

«Что произошло, то произошло, – тешил он себя мыслью. – Прошло уже полтора года... – вяло констатировал он. – Полтора года... Много... Но тогда... Эти полтора года надо было чем-то заполнить?»

Он собрался спросить Шилему, каким образом они тут выжили, чем занимались всё это время? Но временница неожиданно громко сказала:

– Потом появились скамулы!.. Эти безмозглые твари со своей улыбочкой идиотов!..

– Что? – вздрогнул Иван, за время молчания Шилемы погружающийся в грёзу. – Кто?

– Скамулы... А может быть, кокинеры... Так они себя называют по-разному... Или это название им придумали колонисты.

Иван тряхнул головой.

– Ничего не понимаю!

– Заговаривается, – обронил Джордан, потянулся за хворостинкой и подбросил её в костёр, оживляя его.

Глаза Шилемы вспыхнули, неправильный овал её лица передёрнулся от гнева.

– Ты!.. Поживёшь здесь... тоже скоро будешь заговариваться, – процедила она сквозь стиснутые зубы, – когда узнаешь скамулов и королеву мира Ирму с её тремя сыновьями и дочерью.

«Она и в правду заговаривается, – обеспокоился Иван. – Королева мира... с тремя сыновьями... Ирма? Но это имя человека! С таким именем среди них никого не было».

– Вот что, Шилема. Ты рассказывай и... поясняй, о чём говоришь, – попросил он.

– Да уж, – поддакнул Джордан, – и поясняй!

Игра в жмурки

Два странных, гривастых существа внезапно столкнулись с Арно, когда тот, подрагивая от свежего утреннего ветра, отлучился по нужде подальше от импровизированного лагеря.

В лагере они прожили уже почти неделю, построив, не бог весть какие, шалаши вокруг общего кострища. Отхожие места ещё не установились. Хиркус каждый день увещевал ходоков и женщин, но пока что добился лишь разделения сторон от их временных построек. Женщины облюбовали небольшой ложок за привольно разросшимся кустом, похожим на бузину, а мужчинам приходилось углубляться далеко в лес. На их стороне росли редко стоящие деревья, голые от комля.

Первое, о чём подумал Арно, видя перед собой незнакомцев, что перед ним заросшие от безвылазного сидения в лесу разбойники, коих он насмотрелся, погружаясь в прошлое Европы.

Но тут же он понял, что ошибся. Да и откуда здесь им было взяться?

И перед ним были явно не люди. Вместо носов – небольшие вздёрнутые хоботки с дрожащими пяточками. Полуоткрытые рты выгнуты полумесяцем, брюшком вниз, за безгубыми кожистыми образованиями, прикрывающими зев, – редкие острые зубы.

Одно из странных созданий отступило назад, открыло рот и сказала:

– Такие же люди, как...

Последнего слова Арно не понял, но достаточно было первых, чтобы внутренне сжаться от предчувствия чего-то глобального, невероятного и, кто знает... страшного. Страшного не потому, что могло ему чем-то угрожать, а самим фактом: членораздельной человеческой речи и сравнения с людьми.

Именно: с людьми!

– В-вы кто? – проглотил он, наконец, ком, подкативший к горлу, и выдавил из себя хриплый, дрогнувшим от усилий голосом, сакраментальный вопрос.

– Да он и говорит, как...

– Э-э! Ко мне! – закричал Арно и замахал руками, призывая оставшихся в лагере ходоков к себе.

Он так необычно надрывал в крике горло и жестикулировал, что Хиркус и дон Севильяк, подхватив автоматы, побежали к нему.

Женщины, всполошённые шумом и странным, не свойственным Арно поведением, выскочили из шалашей и выстроились в ряд. Они не дерзнули ступить на «мужскую» сторону, но что на ней происходит, их волновало. Они перекликались, гадали и всматривались в редколесье.

Пока ходоки добежали к Арно, говорящие создания исчезли, словно растворились на фоне куста.

Арно долго и сбивчиво объяснял друзьям, что он видел и слышал, а слушатели смотрели на него, как на безумного.

– Да будет тебе! – пророкотал дон Севильяк, сдерживая рвущийся наружу смех. – Мало ли, что может померещиться? Я вот однажды...

– Иди ты! Знаешь куда? – обозлился Арно. – Они не люди, а говорили...

– На каком языке? – поинтересовался Хиркус.

– На... французском... Нет, на английском. А слово «люди» – на французском. Да, точно так.

Хиркус покачал головой, а дон Севильяк пробормотал:

– Французский знаю, а английский... Я Англию не любил. Там как что, так в драку.

Они постояли, потоптались.

– Может быть, поищем их? – предложил дон Севильяк.

– Лучше позвать, – сказал Хиркус. – Если они и вправду понимают нашу речь, то отзовутся. Может быть.

– И позовём. Эй, вы! Кто там?! Мы хотим с вами поговорить! – зычным голосом оповестил округу дон Севильяк.

Ему отозвался переполошённый грай птиц, да возмущённо взревело в отдалении какое-то крупное животное. Однако на сам призыв никто не отозвался.

Возвращались в лагерь молча. Арно куксился. Его не поняли, ему не поверили. И сам он теперь с сомнением относился к своим видениям. К тому же, он не сделал того, ради чего забрёл подальше в лес. Мучился, но не воспользовался возможностью, когда они были вдалеке от глазастых, всё видящих и замечающих женщин.

Они встречали мужчин вопросами, но они остались почти безответными. Арно замкнулся, а дон Севильяк и Хиркус только поводили головой. Зная Арно, как вполне здорового психически, лишённого предрассудков человека, они считали, что тот не был подвержен галлюцинациям и фантазиям, но и поверить в его рассказ никак не могли.

Хиркус лишь Шилеме сказал несколько слов.

– КЕРГИШЕТ? – встрепелась она.

Актёр нервно пожал плечами.

– Он тебе снится, что ли?

– А тебе нет? Так здесь и будем сидеть? Вам с ними, – Шилема презрительно кивнула в сторону женщин, обступивших двух других ходоков, – пока хорошо. Но они вам скоро надоедят. Тогда что?

– Ты же сама говорила, надо ждать. Так чего злишься? Жди! И уймись! Живи этим днём! И не скучай!

Хиркус выговаривал Шилеме накипевшее, но многое из того относил и на себя.

Вот осели они тут, даже тропинки вокруг появились, вытопанные их ногами. Позавчера, даже весело и беззаботно отпраздновали охотничью удачу дон Севильяка. Ели мяса до отвала с какими-то растениями, добытыми в округе Сесикой, знающей в них толк. Принесла целую охапку. Сытые и раскрепощённые женщины удовлетворяли прихоти мужчин до рассвета.

Но что дальше? Ведь всё у них здесь временное, ненадёжное и тревожное. А тут ещё Арно подбросил эту встречу говорящих не людей...

Тот день тянулся, будто попал в вязкую массу. Казалось, каждая минута длится вечность. Никто не отлучался из лагеря. Настораживались при каждом звуке, доносящимся из зарослей, в светотенях которых ожидающим людям могло померещиться чёрте что.

– Вон, вон!.. Смотрите! – вдруг начинала волноваться кто-нибудь из женщин и со страхом показывала куда-то, где ей привиделось некое человекообразное страшилище.

Ходоки сидели кружком. Обособились. Томились от скуки. Вначале реагировали на вскрики женщин, потом перестали.

– Я с наркуза видел огонь, – поделился своими недавними сомнениями дон Севильяк. – Примерно, – он показал кивком головы, – в той стороне. – Никто из ходоков не проронил и слова, но в указанном направлении посмотрели. Дон Севильяк шумно вздохнул. – Думал, показалось...

Он вспомнил о мелькнувшем вдали огоньке сразу, как только до него дошёл смысл сказанного Арно, но только долго не решался поделиться своей крепнувшей уверенностью, что огонь был, и он его видел точно так же, как Арно вдел разговорчивых существ.

– Почему думал? – лениво осведомился Хиркус.

– Потому что теперь думаю, не показалось. Светилось что-то, как горящий костёр...

Хиркус хмыкнул, но обсуждать заявление дон Севильяка не стал.

Опять сидели напротив друг друга и молчали.

Очередной вскрик среди женщин и их бурная реакция заставили ходоков оторвать глаза от земли и посмотреть на предмет, вызвавший такое оживление в лагере.

– Они! – встрепенулся Арно. – Уже трое!

Ходоки вскочили на ноги.

Три стройных тела похожих на людей существ стояли в полусотне шагов от лагеря. Их головы и плечи поросли волнистыми волосами, отчего казалось, что их верхняя часть покрыта пушистым платком. Руки короткие и ровные по всей длине, без бицепсов. Низ, почти от груди до коленей в юбке колокольчиком, но приталенный. Ровные широко расставленные ноги мягко пружинили.

Они стояли, неотличимые друг от друга внешним обликом, словно фигуры на фреске, и смотрели в сторону людей.

– Кошки, – сказал Хиркус. – Они похожи на кошек. А?

– Они говорят, а не мяукают, – бросил Арно.

– Обезьяны тоже когда-то... вякали, а потом научились говорить. Так и эти кошки.

Дон Севильяк настроился разразиться хохотом, но его отвлек осязаемый удар кулаком вбок от Лейбы.

– Ну? – глянул он на неё.

– Вон там ещё двое... И эта... к ним!

– А? А-а... – дон Севильяк приоткрыл рот и тронул руку Арно. – Там ещё вон двое. Таких же... Эй, эй, Шилема! Ты куда?!

К новым незванным гостям, объявившимся почти рядом с лагерем, направлялась временница.

Она не уступала им в росте, но её гибкая фигура проигрывал в объёмах. Тем не менее, она решительно шла на сближение. Ею двигало чувство сейчас всё узнать, выяснить, прав ли Арно, и если прав, то...

У неё занозой сидело в голове только одно предположение: во всём этом есть какая-то связь с КЕРГИШЕТОМ. Сведения о нём могли дать толчок к его поиску или принятия какого-то иного решения. Ей надоели неопределённость, развязность женщин и потакание им со стороны ходоков, которым из-за них, как ей казалось, некогда было подумать и что-либо предпринять кардинальное для выхода из ситуации, поймавшей их как в мышеловку.

– Ну, временница! – Арно то ли восхитился, то ли осудил поступок Шилемы. Наверное, всё-таки осудил, так как следом произнёс: – Несёт её! А-а... Я к ней! Прикройте!

Но дорогу ему неожиданно перекрыли Илона и Хриза, тяжким грузом повисли на руках.

– Не надо, Арно-о! – тянула его на себя Илона.

– Ей не сидится, вот пусть сама... – вторила с другой стороны Хриза.

– Вам, конечно, по кустам бы спрятаться! – неприязненно бросил Арно и попытался сбросить руки женщин.

Но они вцепились в него мёртвой хваткой.

– Не надо-о!

Арно не отвечал, а двигался по направлению к Шилеме.

Женщины упёрлись, но их ноги скользили по земле. Наконец, они оставили его и отступили в лагерь под иронично-мстительными взглядами своих недавних сестёр. Дружба или идея, недавно объединявшая их, с каждым днём разъедалась, словно под действием сильной кислоты, имя которой был множественным: растерянность, неустроенность, страх и, главное, поиск опоры в ходоках-мужчинах...

Ходок уже нагонял Шилему, как незнакомцы подались назад, слегка приседая при каждом шаге, и скрылись за кустом. Заглянув тут же за него, люди никого там не обнаружили.

– Ты зачем пошла к ним? Одна! Никого, не предупредив? – строго стал выговаривать Арно.

– Потому что забыла вас спросить, – хмурясь, отозвалась Шилема, но без напора, устало. – Их бы расспросить... Если они говорят...

– Говорят.

Арно подтвердил, хотя сомневался, а не показалось ли ему. Эти, похожие на больших прямоходящих кошек, может быть, что-то и мяукнули, а он принял их звуки за членораздельную речь на языке людей.

От лагеря до них донёслись возбуждённые крики. Там все развернулись правее и что-то рассматривали.

В той стороне появилась целая группа существ – одинаковые во всём с прежними.

– Стой! – Арно успел ухватить за руку Шилему. – Куда ты? Их там толпа!

– Пусти! – рванулась временница, но, освободившись от опеки ходока, остановилась. – Может быть, поймать кого-нибудь из них и расспросить...

– Может быть...

Однако она жёстко продолжила:

– Он бы у меня, если говорит, всё бы рассказал!

– Наслышан, как ты...

Она вспыхнула.

– От кого же?

– Не то важно от кого, а то важно, что так оно и есть.

– У Хиркуса словоблудию нахватался?

– А? Кстати, смотри! Хиркус тоже пошёл к ним... Что-то будет!

Хиркус также как и Арно, протолкался через не пускающих его женщин, и, пританцовывая и делая виртуозные па, неторопливо приближался к стайке туземцев. Руки его выделяли невероятные жесты и пассы. Всё это походило на причудливую завораживающую вязь движений. Они плавно переходили от одной динамичной структуры тела Хиркуса к другой, которая была совершенно не похожей на прежнюю.

Арно и Шилема не видели лица Хиркуса, но, зная его, могли не сомневаться, что и оно участвует в этом импровизированном представлении «великого актёра».

И он что-то напевал.

Следом за ним, боязливо оглядываясь и тесно прижимаясь, потянулись Жесика и Катрина.

– Ничего не будет, – не согласилась Шилема.

Её несогласие было направлено не в пику Арно, а просто она не верила в успех Хиркуса, хотя с интересом наблюдала за его причудливыми действиями.

– Пойдём и мы?

– Иди! – Шилема словно освободила его, и пошла рядом с ним.

Арно усмехнулся. Шилема всё ещё играла в независимость. Тем не менее, ясно понимала необходимость сплочённости всех людей: и ходоков и женщин.

Они видели, как существа внезапно все разом присели, умело перекрестились, приподнялись. И даже не оборачиваясь, спинами вперёд, пустились наутёк.

Миг – и их уже нет.

– Видели! – воскликнул Хиркус и повёл рукой вслед убегающим. – Или мы в параллельном мире нашего времени, либо... – помедлил он, – здесь где-то есть люди. Или были совсем недавно.

– Надо поймать одного и узнать, – Шилема выказала своё желание, но уже без добавки выколачивания сведений.

– Ещё успеется, – сказал Хиркус. – Надо будет, поймает. Я думаю, нам надо быть готовыми к встрече.

– С людьми? – жадно спросила Жесика; для неё все разговоры о много миллионно летнем прошлом, оставались вне пределов понимания.

– Может быть, и с людьми.

Они возвращались в лагерь, а оставшиеся в нём заметили ещё три пары существ. Их безликие фигуры то появлялись в виду, то исчезали, словно мерцали на фоне листвы, заставляя людей всё время быть начеку.

Наконец, дон Севильяк перебросил автомат на грудь и, утробно бормоча о надоедливости иных созданий, направился к одному из кустов, где чаще всего появлялись местные обитатели. За ним увязалась Шилема. Остальные отказались даже выразить своё какое-либо отношение к их намерениям. Надоело.

Что Шилема, что дон Севильяк думали по-разному, хотя лелеяли каждый по-своему одну и ту же мысль.

Шилема представляла ясно, зачем она идёт: поймать и расспросить, чтобы, в конце концов, узнать, с кем они имеют дело, и как это связано с людьми, а точнее, с КЕРГИШЕТОМ.

А вот дон Севильяк, по сути дела, сам не знал, зачем ему понадобилось идти к ним. То ли поугадать, то ли, наконец, убедиться в их способности понимать человеческий язык и мимику. А то и заставить убраться куда-нибудь подальше от лагеря и не маячить перед глазами. Либо, что считал самым лучшим, познакомиться через них с теми, кто научил их членораздельному произношению и обратил в христианскую веру или познакомил их накладывать на себя крест.

Однако их поход и желания закончились ничем.

Парочка кошачьих при их приближении как бы смазалась с окружающей местностью, а новые или те же, сколько не ожидали ходок и временница, здесь так и не появились, предпочитая наблюдать за людьми далеко в стороне.

– Эй, вы! – рывкнул во всю глотку выведенный из терпения дон Севильяк. – Предупреждаю! Или вы кого-нибудь пришлёте на переговоры, или я вас перестреляю!

Для устрашения он сорвал автомат и потряс им над головой.

Может быть, угрожающий голос дон Севильяка, а то и понимание угрозы быть расстрелянными, подействовало удивительным образом: аборигенов словно сдуло, унесло...

– Я вам покажу, как играть с нами в жмурки! – гремел ходок, но никто его, кроме людей, похоже, уже не слышал.

– Чем ты их собирался перестрелять? – поинтересовался Арно, когда дон Севильяк, гордый содеянным, с разочарованной Шилемой вернулся в лагерь. – Ты же все патроны расстрелял.

Дон Севильяк надул губы.

– Не все, – сказал он, но опал плечами. – Есть ещё парочка. Да и ты запаслив.

– Э, нет. У каждого свой запас, – сказал Арно.

Знакомство

День истекал в тревожном ожидании.

За дальними кустами или между стволами деревьев мерещилось или так оно было на самом деле: какое-то движение, метались тени. Оттуда порой доносились звуки.

То, что, возможно, вокруг лагеря затерянных во времени ходоков и женщин могли сновать удивляющие их существа, люди смирились. А вот звуки...

Их пытались понять и расшифровать: не человеческая ли это речь? И хотя у каждого находился свой перевод даже с разных языков, все сошлись во мнении – идёт переключка.

Некоторое оживление в лагере возникло вне зависимости от происходящего в округе, когда наступил ужин. Жарили мясо, ели с аппетитом.

Дон Севильяк во всеуслышание заявил, что он любитель вот так с друзьями на природе поесть и вести разговоры ни о чём.

Арно ухмылялся его словам: откуда у ходока друзья, тем более у дон Севильяка, с которыми можно выбраться на природу? Явно нахватался такой романтики от КЕРГИШЕТА.

Хиркус пытался перехватить инициативу и обратить на себя внимания, возвышенно описывая свои впечатления, но Лейба и Харусса внимали разглагольствованиям дон Севильяка, как откровению, так что витийство Хиркуса постепенно угасло. Только Аннет сидела, потупив глаза. Её оттеснили более настойчивые сёстры, и она всегда находилась чуть в стороне, хотя дон Севильяк её своим вниманием не обходил.

Наступившая ночь прибавила шума вокруг лагеря за счёт рычания, визга и хрюканья зверья, выходящего на сумеречную, а потом и на ночную охоту. Но и в этих звуках людям слышались отдельные слова якобы произнесённые на английском, французском и русском языках. А Хиркус даже уловил некоторые из них сказанные и на языке ходоков. На что Арно глубоко-мысленно заметил:

– Скоро мы каждый выкрик будем принимать за разговор.

– Возможно, – парировал Хиркус, – но пока что о разговорчивых тварях мы знаем только с твоих слов.

Устроили очерёдность дежурства. С вечера заступил дон Севильяк. В напарники оставил Лейбу. Освобождённые от обязанностей охранять лагерь Харусса и Аннет не протестовали.

Но Харусса надула губы и исподлобья следила, как Лейба устраивается поближе к дону Севильяку и взглядом хищницы всматривается в темноту, демонстративно изображая из себя обременённой обязанностью предупредить людей о надвигающейся опасности и, если надо будет, защитить их.

– Дон Севильяк поступил правильно, что отправил вас спать, – заметил Хиркус, устраиваясь на ночлег между Жесикой и Катриной. Посоветовал: – Спите! Думаю, следующую ночь едва ли придётся поспать. Вы тоже спите! – сказал он Хелене и Раде, что все дни после исчезновения Ивана просидели, словно потерянные почти без движения со скорбными и оскорблёнными лицами.

Вспышки гнева порой искажали черты лица античной богини – Хелены. Она была уязвлена до глубины души. Покорная и безучастная Рада тоже раздражала её.

А тут ещё этот!.. Клоун!.. Хиркус!.. Раскомандовался тут!.. Спать им или не спать! Какое ему дело?!

Она вспыхнула, выплеснув весь яд, накопленный ею в ожидании возвращения Ивана. Она чётко выговаривала каждое слово, и сидя, вначале била пятками землю, а потом, встав на четвереньки, – кулаками.

Испуганная Рада отползла от неё и с ужасом наблюдала за истерикой подруги. Остальные вскочили на ноги. Сесика подошла к Хелене, чтобы успокоить её, но едва устояла от удара ногой в живот.

Досталось всем и поимённо, вызвав зубоскальство у мужчин, при их упоминании, негодование Шилемы и недовольство женщин, услышавших непотребные эпитеты в свой адрес.

Затем бывшие сёстры по секте собрались в кружок и поплакали, хотя было заметно, что между ними возникло размежевание. Как явно видимые трещины, пробежавшие по стеклу и навсегда уже разъединившие осколки, и достаточно ещё одного совсем не сильного нажима – и не собрать их, и не склеить в целое.

Катрина, ранее исполняющая роль главы, не проявляла рвения, больше занятая соперничеством с Жесикой за место при Хиркусе, чем на остальные взаимоотношения её сестёр. Хелена и Рада вообще выпали из общего круга. Зато Сесика, до того безвольная и отодвинутая к периферии влияния на секту, неожиданно стала верховодить. И к ней прислушивались. По-видимому, оттого, что старшая годами подруга для других считалась не соперницей в распределении мужчин, как неких покровителей. А распад как раз и зависел от этого распределения.

Первым это ощутил или понял, Хиркус.

– Пока они там... – кивнул он в сторону женщин. – Давайте подумаем, как нам уберечься от раздора между нами. А он, хотим мы того, или нет, может возникнуть. Не сразу, конечно... Но может!

– Ты о чём? – спросил дон Севильяк.

Его занимали совсем иные заботы.

Он хотел есть. Это у него уже превращалось в идефикс. И, естественно, ни о какой возможной напряжённости между ним и ходоками не помышлял. Конечно, все они при своих амбициях, но случившееся с ними должно было, по его представлениям, объединять, а не разъединять их.

– О том, что мы застряли с вами здесь надолго. И будем вековать, как и они. Их неуживчивость может сказаться и на нас.

– Да уж, – кивнул Арно и выругался. – Ты прости меня, Шилема, но хочу что-нибудь сказать, чтобы успокоиться, отогнать то, о чём здесь говорит Хиркус, а с языка всякое будто само срывается.

– Скоро вернётся КЕРГИШЕТ, – уверенно сказала временница, – и мы вернёмся домой. Прежде чем сказать, Хиркус закусил верхнюю губу.

– Будем надеяться, что он вскоре появится. А пока...

– С Ваней тоже могло что-то случиться, – с вздохом произнёс дон Севильяк.

– И это может быть...

Но дон Севильяк тут же, опровергая своё предположение и обрывая Хиркуса, сказал:

– С Ваней ничто не может случиться! Он скоро будет!

– Вот почему я и говорю, что здесь нам придётся пробыть долго, так что нам следует подумать уже сейчас, а не тогда, когда это будет поздно.

– Да говори ты прямо! Хотя, – Арно ослабился, – я догадываюсь, о чём ты толкуешь. Они и вправду могут нас поссорить. Так?

– Так, – подтвердил Хиркус.

– Кто? – стал оглядываться дон Севильяк, выискивая тех, кто может покуситься на взаимоотношения ходоков. Взгляд его остановился на женщинах. – Вы думаете, они?

– Вот-вот, именно они! Вы тоже это уже заметили, не только я.

– Но как? – изумился дон Севильяк.

Ему ответила Шилема.

– Нашепчут вам, а вы и уши развесите. Я уже давно вижу, как они вас... Против КЕРГИШЕТА настаивают и против меня. Предупреждаю, я постоять за себя сумею. Даже если кто-то из вас вмешается!

– Остынь! – в виде просьбы посоветовал Арно, – Они тебя просто бояться.

– Я их не трогаю.

– И не трогай, – сказал Хиркус, подумал и добавил, как поощрил: – Пока не трогай. Пока не за что.

– Так о каком раздразе между нами ты говорил? – напомнил Арно.

– Шилема уже сказала. Нашепчут против кого-нибудь из нас, а мы и вправду поверим.

– Они могут, – тяжело уронил дон Севильяк. – Только почему мы из-за них должны ссориться?

– Я к тому и клоню. Договоримся всегда быть вместе и доверять друг другу, что бы с нами здесь не произошло.

– Э, Хиркус! Ты всё-таки думаешь, что мы здесь остались надолго? – дон Севильяк тревожно обежал взглядом лица ходоков. – Но Ваня будет вот-вот.

– А если нет?

– Ну-у...

– Он будет! Вернётся! А вы... – выкрикнула Шилема и отвернулась.

Её выкрик заставил женщин насторожиться и обратить внимание на обособившихся ходоков.

Хелена к тому времени успокоилась, однако взгляд её наполненных слезами глаз бессмысленно блуждал. В бледном пламени костра лицо её казалось застывшей обескровленной маской. Рада вернулась к ней и привалилась щекой к её плечу.

Но остальные женщины подозрительно следили за ходоками: не собираются ли те уйти в своё, как это у них называется, поле ходьбы, а их здесь бросить? Как КЕРГИШЕТ до того бросил Хелену и Радугу?

Не прошло и двух минут, как женщины бесцеремонно отжали возмущённую Шилему в сторону, и уже держали под руки выбранных ими мужчин, обретая успокоение от физической близости с ними. И выпускать их явно не собирались. Так что, когда звёзды высыпали во всей своей красе, а огонь костра создал крошечное красноватое пятно в океане темноты, все распределились, как и прежде.

А одинокие сгорбленные фигурки Сесики и Шилемы врозь и Хелены с Радой лишь подчеркнули размежевание.

Ночь прошла спокойно.

Правда, дон Севильяк опять увидел далёкие огни и показал их всем. Но, возможно, пережитый день, наполненный нервным ожиданием и бесконечными вспышками отчаяния и надежд, сказался на всех так, что в указанном направлении посмотрели, огни увидели и словно тут же о них забыли.

Дежурившие посменно ходоки чутко прислушивались к звукам ночи, но они ничем не отличались от предшествующих ночей: та же возня, писк и рык...

Арно, сменяемый Хиркусом, на вопрос, что происходит вокруг, проворчал:

– А ничего не происходит! Может быть, мне, да и всем нам показалось, а мы всполошились и сами себе не даём покоя.

– Никогда галлюцинациями не страдал.

– Я тоже, – буркнул Арно, устраиваясь спать между Илоной и Хризой, тут же прильнувших к нему с двух сторон.

Утро наступило таким же, как всегда. Просыпались, когда кому заблагорассудится. С опаской, но без приключений посетили отхожие места.

Дожевав чуть подогретый на костре кусок мяса, дон Севильяк вытер руки о траву и заявил:

– Так можно с голоду умереть. У меня осталось всего два патрона. Дайте кто-нибудь ещё парочку. Пойду, кого-нибудь подстрелю... Есть же хочется!.. Арно!.. Э, Арно! Дай, а то сам пойдёшь.

Арно сидел с вытянутой шеей и смотрел куда-то вдаль, за спину дона Севильяка.

– Сдаётся мне, – проговорил он севшим от волнения голосом, – никуда ты не пойдёшь. Так же как и я. К нам идут гости... Люди!

– Что!? – почти разом воскликнули мирно сидящие вокруг костра ходоки и женщины.

– Люди к нам!

Все вскочили на ноги, сгрудились.

Да, к ним шли именно люди. Трое.

Они отличались от существ, что рыхлой толпой следовали за ними, внешним видом, посадкой головы и, главное, тем, что были вооружены копьями, а за спинами у них притаились луки.

Одежда... Ничего, кроме набедренной повязки. Тела жилистые, но тонкокостные. По мере того, как они подходили, шаг их, размашистый и уверенный вначале, стал укорачиваться и сбиваться, а на лицах, чуть поросших первой редкой растительностью, нарастало удивление.

Вся троица в росте много уступала ходокам, да и некоторым женщинам. И между собой они словно провели косую линию: самый высокий возвышался над средним на столько же, на сколько тот превышал третьего молодого человека.

Они остановились в десятке шагов, за их спинами столпились о чём-то галдящие существа.

– Эта встреча, – негромко произнёс Хиркус, – даже во сне невозможна. Но она случилась!

– Ну да. Не верь глазам своим, – отозвался Арно.

– Итак, – повысил голос Хиркус, – думаю, достаточно насмотрелись друг на друга. Так кто же вы будете?

Сказал он это на английском языке, стараясь произносить слова внятно, как на сцене.

До того вытянутые лица пришедших озарились радостными улыбками. Они переглянулись.

– Вы и вправду люди!.. А они не захотели верить!.. Какое счастье!.. Как будет рада наша Мать!.. – заговорили они наперебой.

Их произношение страдало неточностью, английские слова перемежались французскими и испанскими – некая смесь. Но то, что они говорили, было понятно всем, разве что, быть может, кроме дона Севильяка.

Капля в океане времени

Брызги временного канала Пекты разлетелись, хотел он того или нет, мелкими каплями в пространственно-временном океане, и каждая из них увлекла за собой людей. Единицами, сгинувшими в одиночестве и не оставившими по себе ничего, и десятками. Последние пытались каким-либо образом выжить в новых для них условиях, наладить быт, продержаться и не впасть в варварство, хотя бы в течение того промежутка времени, пока они не уйдут в мир иной. Но и они тоже не могли оставить никаких следов своего пребывания, так как хозяйство их было примитивным, и они не могли долго существовать в чуждом для них мире.

А мир этот страдал непредсказуемостью, неприветливостью и заведомо не приспособленностью к бытию человека...

Их оказалось тридцать.

Вернее, в начале струя канала отбросила в прошлое кучно четырнадцать человек. Это потом к ним примкнули по одному, вдвоём, а однажды даже трое. Все они существовали в небольшой точке пространства и времен: не больше десятка тысяч квадратных километров и в промежутке лет в двадцать. Основная группа стала как бы ядром, собирающим вокруг себя и тех, кто появился здесь раньше их, и тех, кто волей судьбы был выброшен каналом позже.

Люди постепенно обустроились, выбрав место стоянки у небольшой реки, построили шалаши, благо они попали в благоприятный климат без зим и проливных дождей, обжились.

Но была странность или провидение в их общежитии: в колонии проживала лишь одна женщина. Ей ещё до скачка в прошлое давно перевалило за тридцать лет, и до того она не познала ни одного мужчины, поскольку страдала редким уродством лица – оно у неё словно было вдавлено в глубь головы – и склочным характером. Но здесь, в колонии, для мужчин она оказалась единственной женщиной. И уже через год разродилась тройней мальчиков, отчего получила в колонии непререкаемый авторитет и имя – Мать.

Она рожала постоянно, но, будто оберегая близнецов, все их единокровные, а может быть, и родные братья и сёстры, умирали в младенчестве, лишь почти десятью годами позже она родила дочь, которой уже было двенадцать лет. На неё те из мужчин, кто ещё не превратился в дряхлых развалин, стали уже поглядывать как на вожелённый плод. Но Мать оберегала девочку и решительно пресекала все их притязания. Она и своих сыновей не подпускала к дочери, считая её слишком маленькой для вошедших в зрелый возраст юношей.

Переговоры не были долгими. Да и о чём говорить, если почти рядом живут люди.

Собираясь выходить из своего временного лагеря, Хиркус, всё больше прибирающий к рукам руководство над группой, тихо предупредил ходоков:

– Оружие спрятать! И как можно дальше. Лучше пусть оно останется для нас и только для нас.

Дон Севильяк согласился с Хиркусом, но выполнил это неохотно, тем более что мясо, добытое им третьего дня, закончилось, а выходить на охоту с дубиной или с копьём, ему претило.

– Если у них есть, что поесть, то, конечно, зачем нам оно. А если нет, то придётся показывать.

– Еда у них есть. Эти ребята не слишком истощены, – показал Хиркус на братьев-близнецов.

А те, знавшие в своей жизни только одну женщину, – свою мать, долго не могли понять, почему стоящие перед ними люди так различаются и видом, и одеждой, и поведением, да и

голосами. Даже когда до них стала доходить истина, они всё равно не верили. Не могло такого быть, чтобы женщины превышали числом мужчин...

Сопровождая новых для них людей в поселение, они так и не могли примириться с превосходством женщин: куда они ни бросали взгляд, везде видели их, оттого братья старались быть от них как можно дальше, дабы не коснуться или случайно не столкнуться с ними.

В небольшом захламлённом отбросами поселении, построенном без особого изыска, люди жили хотя и в больших, но обычных шалашах, явно давно не приводимых в надлежащий вид: зияли прорехи, а то и надломленные стропилины. Скамулы, возможно, подражая людям, которых они называли пармаками, тоже ютились по окраинам посёлка в небольших шалашах – лишь вползти и лечь.

Когда скамулы принесли весть о большой группе людей, в посёлке их сведениям мало поверили. В конце концов, живут они здесь уже не один десяток лет, и появление рядом кого-то из людей считали мало вероятным делом. Возможно, только один человек мог предполагать о таком варианте, но он давно уже замкнулся в себе и мало общался с колонистами. Правда, это он надоумил братьев пойти и проверить сообщение скамулов.

Но когда один из братьев прибежал с криком, что скамулы были правы, и что там есть такие, как их мать, это всколыхнуло посёлок.

Встречать ходоков и женщин вышли все, кто мог двигаться. В большинстве своём дряхлые, анемичные, с потухшими глазами люди. Лишь малая часть сохраняла более или менее здоровый вид, но всем, пожалуй, уже перевалило за шестьдесят лет.

На их фоне выделялась, стоявшая в стороне, Мать.

Грузная женщина преклонных лет, отёкшая плечами и с толстыми венозными ногами. Лицо искажённое, словно вмятое, отчего ноздри раздались вширь. Борода поросла пучками седых волос. Её отвисшая почти до пояса тяжёлая грудь не прикрыта. Впрочем, здесь одежде придавали малое значение: набедренная повязка, а некоторые щеголяли и без оной.

Рядом с Матерью, тесно прижавшись к ней, стояла девочка, тоненькая, словно стрелка, с испуганными большими глазами.

Если братья до сих пор находились в шоковом состоянии, то у мужчин появление женщин вызвало не только изумление, но и желание тут же, немедленно поделить их между собой. Для такого благого дела среди местных мужчин не оказалось ни слабых, ни дряхлых. Их манеры при этом совершенно были лишены какой-либо деликатности. Они словно стая хищников окружила пришлых, беззастенчиво стали наперебой оценивать достоинства и недостатки женщин и тянули руки, пытались прикоснуться, ощупать их.

Не ожидавшие такого приёма, женщины бросились искать защиту у ходоков, вызывая недовольство у поселенцев. В их уплотнившемся кругу стало тесно...

Всё это время Мать стояла, всеми позабытая, нелепым столбом. На её глазах в одночасье превращался в развалины, казалось совсем недавно, несокрушимый авторитет персоны, которую она представляла все эти долгие непростые годы.

А ходоки не знали, что предпринять против неожиданного напора всё больше распалявшихся поселенцев. Правда, некоторые из них от резких движений уже стали выдыхаться, но это не размыкало, а уплотняла толпу.

– Люди! – страстный выкрик Хиркуса хорошо поставленным голосом на мгновение перекрыл гвалт, и в наступившей тишине Хиркус, встав в позу трибуна, заговорил, то, вздымая к небу руки, то, потрясая ими, сжав пальцы в кулаки. – Братья! Мы пришли к вам по вашему зову! Мы пришли, чтобы ещё раз напомнить и вам, и себе о том, что наша сила в общности. Ведь только сообща мы можем одолеть время и...

Возмущённые голоса примолкнувших было колонистов, заставили Хиркуса прервать, набирающую силу, речь. Он только-только стал входить в раж, но неблагодарные слушатели,

которые должны были ожидать от него откровений, отчего-то не следуют тому, что привык видеть артист при своём выступлении.

Он презрительно окинул взглядом преобразившиеся лица только что озабоченных лишь одним: не упустить момент перед другими при дележе добычи – женщин.

От толпы отделился высокий статный старик, что выделялся из поселенцев не только внешним видом, но и одеждой. Кроме набедренной повязки у него на плечах красовалась короткая, до сосков груди, меховая накидка. Поредевшие волосы стянуты на затылке в тугой узел. Борода и усы не топорщились по-разбойничьи, как у вех его сотоварищей, а свидетельствовали об аккуратности и заботливости о них хозяина. Голос у него по силе и убедительности не уступал Хиркусу.

– Что ты, червь и гниль, знаешь о времени, походя, говоря о нём!? – спросил он грубо и так же, как только что Хиркус, презрительно оглядел его самого с ног до головы. И не ожидая ответа, потому что, по-видимому, и не предвидел его, продолжал: – Как ты смеешь нам говорить об одолении времени, если даже я... – Он на миг прикрыл стального цвета глаза. – Даже я не знаю, как это сделать! Даже я не знаю, как одолеть время! Как ты смеешь говорить о времени?!.

– Даже он не знает, – подтвердил его слова один из тех поселенцев, что выглядел моложе других.

Ходоки, пожалуй, несколько были обескуражены заявлением старика. Высказанное им не укладывалось в их представления о затерянных во времени перлех. Что-то здесь не стыковалось. Ведь по их уже устоявшейся версии, колонисты могли быть теми самыми людьми, что волей случая попали в «брызги» канала Пекты, и осели здесь, за многими миллионами лет до дня своего появления на свет, как некая капля в океане времени.

– Хо-хо! – раздался могучий выдох дона Севильяка. – Надо же! Даже он не знает. А?.. – Дон Севильяк огляделся, призывая всем обозреть себя и оценить его высказывание. – Откуда тебе знать, поистине ползущему туда, куда укажет время. А? Вот и ползи, раз не знаешь, как это делается.

– А вы, значит, не ползущие? – левая щека старика дёрнулась в тике, глаз смешно и не к месту подмигнул собеседникам. – Что же вы тогда тут делаете? Тогда бы и шли впереди, обгоняя время, а то...

Ему не дали договорить.

Кто-то из ретивых колонистов под шумок умудрился ущипнуть Шилему за её жёсткую ягодицу. И получил, естественно, от неё сполна. Стеснённые со всех сторон женщины тоже пустили в действие свои кулаки. Не такие действенные, как приёмы временницы, но болезненные и, самое главное, обидные для пожилых и старых, но мужчин.

И неожиданно возникший диспут о времени также неожиданно перерос в элементарную драку.

Женщины подбадривали себя криком, ходоки легко отбивали наскоки, поскольку равных им здесь не было. А Шилема неудержимо пошла в атаку, наводя у поселенцев брешу в их тесном ряду.

Но минутой позже оказалось, что те не столько нападают на пришельцев, сколько бутузят друг друга. Наметились, по крайней мере, две противоборствующие стороны. Старшие поселенцы были против тех, кто моложе, хотя силы были равны. Они словно с удовольствием колошматили друг друга почём зря.

И лишь Мать с детьми и старик-спорщик в общей свалке не принимали участия. Они равнодушно смотрели на расквашенные носы, сбитых с ног поселенцев, отползающих прочь, чтобы ненароком не попасть под пятки вошедших в раж противников и своих.

Старик, прямой и тощий как жердь, стоял и с как будто приклеенной презрительной улыбкой, его глаза то вспыхивали, то туманились.

Братья-близнецы принимали потасовку за весёлое представление. Они отмечали каждый удачный удар, подбадривали то одну, то другую сторону, хотя дерущиеся перемешались, постепенно вытесняя пришлых из своего поля выяснения отношений.

Девочка испуганно прижималась к объёмистому чреву Матери, порой отворачивая лицо, чтобы не видеть размазанной по щекам крови, когда кто-то из дерущихся оказывался слишком близко от неё.

И Мать... Скала!.. Неодолимый утёс!

Казалось, всё разбивалось ещё на подходе к ней и успокаивалось. Оттого пострадавшие стали концентрироваться вокруг неё, так как здесь их тронуть никто уже не смел, да и они сами, по всему, у короткого подола Матери забыли, что только-только выступали противниками. Теперь они мирно обменивались мнением и помогали унять кровь у тех, кто сам не справлялся, осмотреть ушибы, а то и показать, как кому-то из них удалось удачно зацепить кого-то или поддать хорошую, на его взгляд, оплеуху.

Драка как началась, так и неожиданно закончилась. Мать голосом, не уступающим по мощности звукам, издаваемых глоткой дон Севильяка, рывкнула:

– Всё!.. Хватит!

И тут же опустились, находящиеся в замахе, кулаки, и наступили тишина и мир...

Колонисты возвращались к действительности, а она обладала неординарностью. Они уже позабыли те времена, когда к ним приходили новые люди. А тут в таком количестве, к тому же с женщинами. Пришла пора, после снятия стресса таким оригинальным путём – дракой, спокойно принимать решение о приёме таковых в своё поселение.

Размазывая кровавые сопли, и негромко поругиваясь, они постепенно стянулись в отдельное от пришлых группу и столпились вокруг Матери. Лишь старик-спорщик остался там, где стоял, да братья-близнецы оказались на периферии.

– Кто такие? – грозно громыхнула Мать, вновь ощущая поддержку со стороны привыкших к её руководству мужчин поселения.

– Люди! – как отзвук пророкотал дон Севильяк. – Хо-хо!.. Мы странники во времени...

– Вы... – фальцетом выкрикнул старик.

– А ты помолчи! – грубо оборвал его дон Севильяк, даже не взглянув на него. – Мы такие же, как вы, жертвы проклятого Пекты. Того, кто придумал этот проклятый канал и забросил нас...

Хиркус подтолкнул Арно под локоть, смотри мол, как разговорился дон Севильяк.

В наступившей паузе, пока дон Севильяк набирал воздух, чтобы сказать ещё что-то, раздалось возмущённое бормотание старика:

– Какой ещё Пекта? Этот паршивец всё только испортил своей торопливостью. Пекта был только исполнителем, а канал придумал я!

– Что?

Старик выпрямился, хотя и так был подобен столбу.

– Да, временной канал придумал я! Я – Девис

Когда Шилема вспомнила о щипке какого-то колониста, Джордан расплылся в ухмылке, предположил:

– Он, наверное, пальцы сломал?

– Это я ему! – огрызнулась Шилема.

– Отстань от неё! Не перебивай! – Иван постарался прекратить намечаемое бесцельное препирательство. – А ты рассказывай.

Но при упоминании имени Девиса, он не менее эмоционально, как ходоки полутора годами раньше, воскликнул:

– Что?.. Девис?.. Неужели тот самый Девис?..

– Девис?! – воскликнул дон Севильяк, слышавший это имя в рассказах Ивана, побывавшего за поясом Закрытых Веков. – Отец Напель?

Старик дрогнул.

– Напель! – от его презрительной усмешки не осталось и следа, но появилась подозрительность. Он коротко огляделся, словно проверяя пространство, в которое можно без помех отступить, либо – нет ли там кого лишнего при разговоре. – Напель... Не знаю, откуда вам известно это имя, но... – Он прикрыл глаза, гримаса исказила его лицо аскета. – Нет! Я только воспитал её, но она дочь Пекты. Ему всегда не было дела до неё... Бедная девочка... Я говорил ей... Объяснял, убеждал...

Казалось, Девис погрузился в мучительный поиск нужного слова, а потому перебирал подобные, но – всё не те.

Его потеснила Мать, за ней безликой стаей, словно образуя крылья, надвинулись колонисты.

– И что? – спросила она. – Если даже вы странники во времени? Так мы тут все странники.

– А ничего! – с вызовом сказал Арно. – Такое впечатление, что рядом есть ещё одно поселение людей. Так?.. Конечно, нет! Так к чему вопросы? Мы встретились. И этого достаточно, чтобы признать её за совершившийся факт. Или у тебя другие соображения?

– Но это вы пришли к нам... – слегка растерялась Мать.

– Мы пришли, потому что вы нас позвали, – играя обертонами так, чтобы его слова вызывали доверие, возразил Хиркус. – Давайте лучше познакомимся. Итак, я – Хиркус. Это – Арно... Дон Севильяк... Шилема...

– У-у, ведьма! – донеслось из мужской свиты Матери.

– А ты не лезь, если не хватает мозгов и сил! – повысил голос Хиркус, вызывая оживление среди недавних драчунов.

Дальнейшее перечисление имён женщин едва не вызвало новой драки, так как для каждой из них находился отклик сразу у нескольких мужчин, уже наметивших для себя приглянувшуюся незнакомку.

Мать живо переводила взгляд из-под припухлых век с одной названной соперницы на другую, но хранила полное молчание. Недавняя вспышка повиновения ей поселенцев лишь подтверждало её понимание: закончилась эпоха её исключительности, как это повернётся для неё в будущем, – был вопрос?

Но жила ещё надежда...

Однако она видела, три четверти тех, кто считал ещё вчера её взгляд за милость, уже отвергли её: старую, толстую, безобразную – она знала о себе именно это. И только оставались, оттиснутые было, сыновья и дочь, потрясённая происходящим и безропотная. Для них Мать оставалась единственной опорой в этом мире. Иного они не знали. А услышанное от взрослых о прежней жизни для них больше было похоже на сказку: громадные здания, многолюдство, автомобили и самолёты, магазины, телефон и телевидение...

И вдруг появились новые люди.

А с ними женщины...

Много...

Столько женщин сразу вместе не могло быть!

Если только в сказках...

– Мы представились. А теперь – вы! – продолжал знакомство Хиркус. – Девиса мы уже знаем. Этих молодых людей – тоже. А ты кто? – он указал пальцем на первого попавшегося на глаза колониста, заросшего, казалось, с ног до головы волосами и диковатого на вид.

– Меня зовут... Клеманом, – неуверенно отозвался тот.

Но его перебил злорадный смех.

– Пердуном его зовут! – выкрикнул кто-то.

– Это прозвище, – невозмутимо произнёс Хиркус, не давая сбить себя. – Мы говорим об именах. Значит, Клеман?

– Да.

Клеман из-под густых бровей с благодарностью посмотрел на Хиркуса и приосанился.

Перечень имён занял долгое время. Здесь у каждого имелось прозвище, чаще обидное, а истинные имена порой для многих звучали внове.

Колонисты давно так не веселились.

Все знаемые весёлые и житейские истории потеряли для них интерес, превратясь за десятки лет в банальности. А бытие заброшенных в прошлое не располагало к веселью. В прозябании не засмеёшься, не возрадуешься.

А тут Хиркус сыпал новыми шутками, необычно комментировал каждое прозвище, выворачивая так, чтобы из обидного или оскорбительного их значения представить в некоем другом, даже возвышенном виде. Он смеялся или выдавливал из себя слезу, обретая в своём лице нового кумира колонистов, отодвинув прежних, к которым, по-видимому, относился Девис.

Сейчас он, так же как и Мать с детьми, стоял всеми позабытый, словно в стороне. Впрочем, выделялась ещё одна небольшая группа, как вытолкнутая из подвижной массы толпящихся вокруг Хиркуса колонистов. Она состояла из самых дряхлых стариков, ко всему равнодушных и, возможно, мало понимающих, что вокруг них происходит. Но в драке они тоже побывали, хотя, может быть, как статисты.

Размежевание не ускользнуло от внимания ходоков. Арно даже буркнул в ухо дону Севильяку:

– Эти не в счёт.

– Зато этих больше, чем нужно, – также негромко проговорил дон Севильяк, имея в виду тех, кто вновь готовился атаковать женщин.

– Да уж, – согласился Арно.

– Вот бы сейчас сюда Ваню... – мечтательно произнёс дон Севильяк.

– Если бы, да кабы, – сказал Арно и неприязненно добавил: – Нет, и не будет! Не надейся на его возвращение!

– Он будет! – упрямо заявила Шилема. – А с ними мы справимся. Не со всеми сразу, так по-одиночке. Пусть только...

– Уймись! За тебя мы спокойны, а за остальных...

– Вот и пусть забирают их, а нас оставят в покое! Иначе каждый день драться придётся.

– Э, нет, – дон Севильяк прижал к себе Лейбу и ухватил за руку Харуссу. – Я своих не отдам.

– Да они сами убегут, – предрекла Шилема.

Распоряжалась Мать. Она покрикивала на скамулов, а нерадивым из них поддавала ниже спины или подзатыльники.

Казалось, в колонии всё было как прежде. Мать командовала, а скамулы за день заготавливали еды на всех, развели костёр, поставили горшки, устроили общий стол. Мать снимала пробы с варева, дочь, следуя её наставлениям, также подгоняла и распекала непонятливых аборигенов.

Колонии людей в этом глубоком прошлом повезло, они нашли здесь и помощников, и работников, бескорыстно служившие им с самого первого дня знакомства с скамулами. Тогда, растерянным и подавленным перлям, в первые дни скамулы принесли еду, которую ели сами. Земли вокруг простирались плодородные, где можно круглогодично собирать злаки, зелень,

овощи и фрукты. В реках и озёра водилась рыба. Скамулы потребляли в пищу и мясо, благо стада жвачных, грызуны и птицы могли давать его в изобилии.

Люди, со своей стороны, научили скамулов секрету запасать продукты впрок, а также огородничеству и выращиванию злаков на хлеб. Правда, хлеб потребляли только колонисты; с ним было не густо, но почти каждый день приходилось по лепёшке на едока.

С сегодняшнего дня стол стал в два раза больше, и скамулы больше обычного ошибались. Да и как не ошибиться, если пришлось вытаскивать на свет глиняные плошки и деревянные ложки уже, казалось бы, отслужившие свой век: щербатые, изгрызенные, неудобные.

Дон Севильяк, предусмотрительно не отпуская от себя Лейбу и её двух подруг, одобритительно посматривал на покрикивания Матери и суету скамулов, предвкушая, как он сегодня поест на славу. Впрочем, его беспокоило, что какой-то зверёк (иначе он его не оценивал), пристроенный на вертеле у костра, казался ему слишком маленьким для такого многолюдства, толпившегося невдалеке от накрываемого стола: ряда очищенных от коры тонкоствольных деревьев и толстых – для сидения.

Казалось, наступила долгожданная идиллия соединения двух групп людей. Старожилы колонии, не оставив, конечно, мыслей быстрее разобраться с женщинами, вели себя вполне прилично. Стараясь понравиться будущим подругам, вели разговор с потугой на учтивость. Растрёпанные волосы приглажены, руки вымыты в неширокой речушке, протекавшей рядом с поселением. Животы, и так тощие, подтянуты.

Скупое, но уже улыбаются женщины и чувствуют себя свободнее. Утробно похохатывает дон Севильяк, лишь через слово понимающий, о чём ему толкуют любопытствующие колонисты, с уважением притрагиваясь к его колоритным телесам.

Можно было подумать, глядя на них, что вот сельчане сошлись на общий праздник. Своеобразно, правда, одетые. Однако у всех заметно приподнятое настроение, словно перед свершением некоего таинства, что сплотит, поддержит всех и каждого в этом чужом мире...

Мать стукнула грубой поварёшкой по пустому горшку, призывая на трапезу. Глухой звук совпал с возмущённым вскриком Шилемы.

Её некоторая отчуждённость ото всего и невзрачность повергла какого-то незадачливого колониста сделать ставку на неё, пока остальные жадно пожирали взглядами более привлекательных женщин. Недавно полученный урок первому, кто покусился на неё, не был принят во внимание. И торопыга решил действовать наверняка...

И хотя этот эпизод сам по себе был вполне заурядным, но Шилема превратила его в некую харизму с далеко идущими последствиями.

– Он вдруг напал на меня, – говорила Шилема; её взгляд стекленел, оттого пламя костра чётко отражалось в нём. – Начал хватать меня... – Она даже по прошествии стольких месяцев не могла говорить без одышки. – Тогда я ему...

– Ты, как всегда, поторопилась, – предположил Джордан. – Ты бы его простила...

– Я? Его? Этого?.. Это ваши всем простили!

– Наши? – машинально спросил Иван.

Рассказ Шилемы стал его утомлять. Не потому, что его не интересовало, что произошло с его командой, а от постоянных экивок временницы на личности, каждая из которых в её описаниях проступала безобразной маской. И на свой вопрос получил аналогичный ответ.

– Конечно, ваши! Твоя вот Хелена первая бросилась на всех. Теперь вот мучается с младенцем...

– Почему моя? С каким младенцем? – опешил Иван.

– С мальчиком... Да они все такие. Кто уже родил, кто только ждёт ребёнка.

Это известие потрясло ходоков, пожалуй, сильнее, чем факт непредвиденной отлучки почти на полтора года. Даже иронично улыбающийся рассказу временницы Джордан, онемел

от неожиданности. В конце концов, слушать о перипетиях налаживающихся отношений – одно, а знать результат – другое. И вот это, другое, они как-то не предвидели.

– Но-о... – в долгом выдохе отреагировал Иван, ощутив укол ревности.

Между ним и Хеленой ничего не произошло, он даже тяготился её выбором, но всё же подспудно зрело предположение развития отношения более близкого. И вот – бац! – мальчик...

Настоящее положение вещей (Status praesens)

Костёр догорел.

Нелепой серой кочкой замер Джордан, сморённый сном: голова набок, опущенные плечи, безвольно брошенные руки на ноги, сложенные калачиком. Иван уткнул подбородок в колени и бездумно выискивал последние вспышки живого огня, порой проглядывающие в кострище. Шилема сжалась в комок, глаза её поблескивали в сумрачном свете наступающего дня.

Воздух посвежел, шевельнулась листва от дуновения ветра.

– Скоро сюда прибегут скамулы, – нарушила затянувшееся молчание Шилема.

– Скамулы? – поднял голову Иван. – А-а... Зачем?

– Проверить, что я делаю... На месте ли... Доложить... – монотонно перечислила Шилема и вздохнула.

– Кому доложить? – тряхнул головой Иван: не ослышался ли?

– Совету... Хиркус тогда предложил создать совет колонии. И возглавил его. Арно поддерживал, а потом первый из него вылетел из-за несогласия с остальными членами... В основном, с Хиркусом.

«Бред какой-то», – в который уже раз за ночь подумал Иван, но уточнять не стал.

– Значит, говоришь, скамулы прибегут проверять?

– Прибегут...

– А мы для них сейчас исчезнем, – решил Иван, тяжело поднимаясь.

От долгого сидения затекли ноги, не гнулась спина, болела шея. Иван потянулся, шумно выдохнул, разбудил Джордана.

– Нам пора.

– Э, КЕРГИШЕТ. Куда теперь?

– Вот и решим, куда. Шилема, ты с нами. Покажешь дорогу в посёлок.

– Конечно, с вами. А для чего я здесь торчу? Вас всё это время ждала. Верила... – Шилема кивала головой в такт словам, словно подтверждало каждое из них. – Но ещё темно, а дороги здесь нет. Тропа. По ней я хожу одна... Да и в посёлке просыпаются поздно.

– Вот и хорошо. Пока они спят, мы осмотримся.

– Пока мы будем идти, скамулы там переполох устроят.

– Не устроят. Мы по-тихому. Джордан, вставай!

Иван мысленно позвал облако. Вернее, просто пожелал, чтобы оно явилось. И оно обозначилось бледной громадной каплей в шаге от него.

– Шилема, руку!

– Я... – отступила Шилема.

– Шевелись и ничего не бойся!.. Джордан!

– Да сейчас я... Идите, а я сейчас! – Он неуклюже побежал за ближайший куст. – Ну, вот и я.

– Давай, входи! Сам.

– А пустит? – засомневался Джордан, но смело шагнул в нутро облака.

Облако приняло его, а следом Ивана с Шилемой. Рука временницы подрагивала. Иван отпустил её, Огляделся. Спросил:

– Что видите? Шилема?

– А...– она боязливо смотрела себе под ноги; они висели в полуметре от поверхности травы. – Всё вижу. А что?

– Пока ничего. Ты, Джордан?

– Тоже всё. А когда в первый раз... – буркнул: – тогда не видел. Мог бы и тогда...

– Вот и прекрасно.

Почти под ногами рдели угольки костра, темнел остов покосившегося шалаша, служившего обиталищем Шилемы в её долгом ожидании возвращения КЕРГИШЕТА.

– Показывай дорогу к посёлку.

– Здесь тропа...

– Шилема! – Иван укоризненно посмотрел на временницу; худое лицо её застыло, словно у сомнамбулы. – Показывай, где эта твоя тропа.

Она очнулась.

– Где мы?

– Не важно, – отмахнулся Иван. – Потом расскажу. И так?

– Вот там... туда, – протянула руку Шилема и тут же испуганно одёрнула назад.

Ей показалось, что рука погрузилась в нечто податливое и осязаемое.

– Поехали.

– Поплыли, – уточнил Джордан.

Приметная тропа юлила между кустов и редких стволов деревьев, так что дополнительных указаний Шилемы не требовалось. К тому же вне тропы росла высокая трава, и топорщился ветками бурелом.

Облако неторопливо повторяло все изгибы тропы без воли Ивана. Впрочем, он отмечал каждый поворот и это, по всей вероятности, передавалось облаку. Сквозь него проходили, будто исчезая в настоящем, встречные низкие ветви деревьев, нацеленные прямо в лица ходоков. Вначале они пригибались или отворачивались, но чуть позже освоились.

Тропа пошла по крутой дуге, и за поворотом навстречу облаку вышли пять человекообразных существ, вооружённых заострёнными палками.

– Скамулы! – дрогнула Шилема.

Скамулы и облако встретились. Но ничего не произошло. Облако пропустило скамулов сквозь себя так же легко, как и ветки. Вот перед ходоками были лица, а через мгновение позади – спины идущих как ни в чём ни бывало скамулов.

– Меня проводить пошли! Шиш им!...– процедила сквозь зубы Шилема. Спихватилась: – А они нас не заметили?

– Так и не пойму, – сказал Иван, – зачем они тебя... как ты говоришь, проверяют?

– Как же! Беспокоятся за меня. Как бы я чего не сделала с собой без них. Они...

– Наши?

– Фи! Нашим не до меня. Да и в совете у них остался один Хиркус... Совет каждый день проверяет всех. Наличие!

– Но зачем? – в который уже раз Иван задал один и тот же вопрос. – Куда вы можете здесь деться?

– Напротив. Проверяют, чтобы кто-нибудь не отделился. Когда эти, – так Шилема пренебрежительно называла женщин, – обрели мужчин, то те не стали подчиняться Матери и захотели уйти, чтобы им никто не мешал. Были драки. А эти меняли мужиков каждый день... Вот и решили, если кто-то уйдёт, того подвергнуть порке.

– Ну и замашки! – сказал Иван.

А Джордан повёл плечами, спросил:

– И что, кого-то пороли?

– Было дело.

– Тебя тоже?

Шилема фыркнула.

– Попробовали раз. До сих пор помнят.

– Вот бы посмотреть, как тебя порют, – мечтательно произнёс Джордан, но предусмотрительно отгородился от временницы Иваном.

– И ты туда же? – с кулаками набросилась на него Шилема, но наткнулась на Ивана.

Облако колыхнулось и, наверное, подчиняясь бессознательному желанию Ивана, окутало Шилему и сдавило её со всех сторон.

– Перестаньте! – сказал Иван, давая свободу временнице.

– Что ты сделал, КЕРГИШЕТ? – Шилема испытала настоящий страх, так редко её посещавший.

– Пока учусь делать, – непонятно для неё отозвался Иван. – Далеко ещё?

– Сейчас будет речка. За ней... Вот и ещё!

Навстречу из-за поворота вышла большая группа скамулов.

В светлеющем полусумраке можно было разглядеть их слегка приседающие при ходьбе фигуры и головы, словно упакованные в чёрное обрамление волос, белела только незначительная часть лица.

– А эти кого проверяют? – спросил Иван.

– Никого. Это охотники. Они обязаны к утру добыть для людей мясо.

– Обязаны?

– Они это делают в знак благодарности людям.

– Значит, обязаны добровольно, – подал реплику Джордан. – Знакомое дело.

Шилема не ответила, насупилась, черты её похудевшего лица застыли в неподвижности. Она о чём-то усиленно думала. Наконец, сказала:

– Ты, КЕРГИШЕТ, там... в посёлке, будь поосторожнее. Они о тебе знают и... Твоя Хелена...

– Оставь!

– ...так вот она до сих пор упоминает, как ты нас трусливо бросил, чтобы спасти свою шкуру. Так она говорит. И мивакуков ты подговорил уйти от нас, оставив на произвол судьбы. И этих, как ты говоришь, наших убедила в своей правоте. Я ей как-то... – Шилема запнулась. – Жаль, что она была уже беременной. Но поносила тебя так, даже Арно не выдержал. А он ведь согласен с нею, вспоминая тебя.

– М-да, – только и мог выдавить из себя Иван, разобиженный до глубины души мнением тех, с кем он провёл столько времени. Хелена – пусть себе мелет, что хочет. Но Арно! – А Хиркус? Дон Севильяк что, тоже считает меня трусливым беглецом?

– Ну, этому дону всё ни почём. У него свои сторонники и эти... А Хиркус... Что можно ждать от артиста? Играет себе. Каждую неделю заставляет всех смотреть на то, что ему взбрѣдет в голову показать зрителям. Почему заставляет?.. Ну, не заставляет, конечно. Хотя у него самые боевые сторонники. Он совет колонистов возглавляет... И потом, куда им всем податься? А так хоть какое-то развлечение. Он даже разыграл стычки с хырхоро, где ты... А-а... – Шилема поджала губы. – Сейчас будет речка. За ней Нью-Брызг. Они так своё поселение называют. Хиркус придумал.

Облако приостановило свой плавный бег перед неширокой и, по всему, мелкой речушкой. По всей видимой длине она была местами запружена упавшими стволами деревьев и засорена корягами, а берега поросли кустарником. Два грубо обработанных бревна обозначили мосток – едва пройти одному человеку.

Вода стеклянисто отсвечивала. Посёлок горбатился разбросанными безо всякого плана шалашами. На окраине Нью-Брызга копошилось несколько скамулов; они безуспешно пытались возродить огонь в потухшем за ночь костре.

– Ну, Мать им сегодня задаст, если они не успеют к её пробуждению наладить очаг! – с мстительным вдохновением воскликнула Шилема.

– А долго они ещё будут спать? – спросил Иван.

Вид убогих жилищ его угнетал. И в них живут его друзья-ходоки? И женщины, привыкшие к цивилизованным условиям?

– Они любят поспать... А что им делать? Встали... Поели... Посплетничали... и – всё!

– Но есть-пить надо. Или они...

– За них всё делают скамулы, – быстро отозвалась Шилема на возникающий вопрос Ивана.

– Рано мы появились. Может быть, и нам пока поспать? – предложил Джордан и зевнул.

– Нет уж! – решительно и весело заявил Иван. – Я им сейчас устрою утреннюю побудку!

«Их бы ещё построить и заставить пробежаться километров пять, а потом устроить физзарядку», – подумал он.

Сладко было погрузиться в воспоминания армейской жизни, треклятой тогда, но такой милой, упорядоченной и правильной, как казалось ему сейчас.

– Так их! – поддержал Джордан. – Пусть знают, что КЕРГИШЕТ вернулся.

Но Шилема покачала головой.

– Ты их перепугаешь, а что потом будет?

– Перепугать не перепугаю, а встряхну – точно. А потом... Потом устрою физзарядку. Джордан хихикнул.

– У нас как-то в Фимане... – начал он.

– Выходим! – оборвал его Иван. – И... от меня ни на шаг!

Армейская команда КЕРГИШЕТА: – Подъём!! – прозвучавшая дважды, вначале, казалось, ушла в пустоту раннего утра и успела вернуться приглушённым эхом.

Но первая команда разбудила, а вторая – повергла колонистов в трепет.

Первым, едва не развалив хлипкое строение, выскочил Арно, прикрытый лишь только в паху лоскутом ткани. Жилистый, мускулистый. Следом за ним, но из другого, значительно крепче, жилья выглянул заспанный дон Севильяк, громко сетующий на тех, кто сам не спит и ему не даёт спать.

Но его стенания покрыл надрывный возглас Арно:

– КЕРГИШЕТ?.. Ты-ы?

И дон Севильяк, наконец, разглядел, кто поднял его спозаранку.

– Ваня-я!! – заревел он во всё горло.

Подобной переклички в неурочное время колонисты, наверное, никогда не слышали. Громкая ругань и рык дона Севильяка заставил их всех покинуть шалаши. Кто высыпался, кто выполз...

Ходоки бросились к Ивану с объятиями и словами приветствия.

И только Хиркус, окружённый плотной кучкой своих приверженцев, сразу, словно по команде, сбежавшихся к нему, медлил. Он порывался последовать за Арно и доном Севильяком, но тут же останавливался, сдерживал готовые податься вперёд ноги и тело.

Он стоял точно в столбняке и не верил глазам своим...

Были тому причины.

Месяцы обитания в поселении пролетели скорой дождейкой, но воплотили для Хиркуса многое.

Не прошло и недели проживания здесь, как он покончил с гегемонией Матери и всё прибрал к своим рукам. Сделать это было не просто. Пробивался он к верховенству через мелкие драчки и серьёзные стычки, тем более, оказалось, что Арно и дон Севильяк ему не помощники. Не противники, правда, его устремлений, но и не сторонники его направленности.

К своему верховенству над людьми он уже привык, знал, как поступить в том или ином случае, как воздействовать на поселенцев. Так что неожиданное появление КЕРГИШЕТА явно изменит расстановку сил, и Хиркусу придётся потесниться, а то и вообще уйти в тень. Всё-таки он КЕРГИШЕТУ не чета, как бы ни хотелось думать о противоположном.

Это одно.

Другое лежало в области мистики.

Не верящий ни в богов, ни в чертей, Хиркус в последнее время ощущал странную раздвоенность. И хотя о подобном поделился с ним как-то и Арно, Хиркус прислушивался только к себе. Для него стали существовать явь и нечто иное состояние, когда он вдруг замечал, что как будто плывёт куда-то, оставляя и поселения колонистов и человекообразных скамулов, среди животных, не обращающих на него внимание. А то и, словно вознесясь под тучи, видит всё, что творится далеко за пределами колонии.

Хорошо бы только это, но и слышал какое-то предупреждение в форме отдалённого невнятного голоса: рано ещё, не время, не торопись, не верь никому, кто поманит тебя, обретя черты и облик человека или иного создания.

Хиркус уверовал в неверие.

Но кто его мог бы позвать за собой? Он знал только одного – КЕРГИШЕТА.

И вот он объявился. Но КЕРГИШЕТ ли это? Вот в чём вопрос...

Ах, какая это тема! Появление человека в виде как бы и не призрака, не в образе, созданным обманутым разумом, а во плоти и в окружении вполне реальных спутников...

Вот эти-то спутники сильнее всего смущали Хиркуса. Особенно присутствие этой дикой кошки – Шилемы.

Дон Севильяк и Арно уже выразили свою радость по случаю неожиданного возвращения КЕРГИШЕТА, а Хиркус всё колебался: кто перед ними?

– Нам надо поговорить, но... – Иван осмотрелся и наткнулся на взгляд Хелены.

На руках она держала свёрток с ребёнком. Поймав его взгляд, она визгливо проговорила:

– Явился! Где тебя носило? Я тебя ждала! А ты... Ты!..

– Оно и видно, – холодно отозвался Иван, а сам с внезапной злостью подумал: «стоит с ребёнком не известно от кого, а претензии почему-то посылает ему».

Его потеснила Шилема.

– Ждала? Ты? Не ври уж! Даже кто отец сына не знаешь! Или все они? – повела она рукой на группу с Хиркусом. – Скопом?

Иван ухватил временницу и силой оттолкнул её за себя. Хелена же вспыхнула, поникла головой, качнула ребёнка, отвернулась и скрылась в хиле шалаше.

Наконец, Хиркус решил и подошёл к Ивану.

– Вот что, КЕРГИШЕТ. Лучше бы ты не вмешивался в нашу жизнь. Пришёл, так будь как все. – И добавил едва ли не с угрозой: – Привыкай!

В его тоне, каким он высказался, явно читалось одновременно и превосходство, и покровительство, и уверенность в правоте сказанного.

Иван набычился. В нём ещё не улеглась обида, внесённая Хеленой, а Хиркус многократно её умножил. У него даже перехватило дыхание. Он через силу выдавил из себя:

– Живи как жил! Нужен ты мне! Я могу вернуть людей в будущее, а ты оставайся тут... Привыкай! – Сказал и отвернулся от него. – А вы, – метнул он взгляд на дону Севильяка и Арно, – тоже хотите здесь остаться?

– Ваня-я – протянул дон Севильяк и оскорблённо засопел.

– Ты, КЕРГИШЕТ, объяснись сначала, где пропадал, откуда явился? – ровным голосом спросил его Арно. – И не кипятись... Мы здесь за полтора года уже все перекипели.

– Вижу. Даже накипь появилась... А объясниться... Где мы можем спокойно поговорить?

– Везде, куда не пойдёшь. Да хоть вон там, – Арно показал на небольшую прогалину в конце поселения. – Там можно сесть. А я, – он провёл ладонями по лицу, – пойду, глаза промочу. Ты же явился ни свет, ни заря.

Иван повернул голову к дону Севильяка. Тот лучился счастливой улыбкой.

– Пойдём, Ваня. Расскажешь...

– Только не без меня, я быстро, – пообещал Арно, бегом направляясь к речке.

Ни на кого больше ни глядя, Иван направился в указанном Арно направлении. Рядом топал дон Севильяк и повторял:

– Да уж, Ваня, да...

За купой кустов притаилась опушка с двумя длинными толстыми брёвнами, уложенными параллельно в метрах двух друг от друга. Между ними следы нескольких кострищ в виде разной величины пятен. Из одного поднималась тонкая струйка дыма. Земля вокруг брёвен вытоптана.

– Мы здесь, – догнал их Арно, – иногда вечерами собираемся поговорить...

– Косточки друг другу перемалывают, – неприязненно вставила Шилема. – У них здесь поле брани. Они меня тут...

– Сама виновата, – быстро сказал Арно. – Меньше руки чесать надо, а больше головой работать.

Как ни был Иван в неприятных размышлениях, но привычная уже пикировка ходоков действовала на него как успокаивающее средство: – Всё идёт нормально!

– Вам полутора лет не хватило, чтобы высказаться до конца и помириться?

– С ней помирись... Садись, КЕРГИШЕТ. Расскажи, с чем пришёл?

«И этот из себя хозяина корчит! – досадливо подумал Иван. – Может быть, бросить их всех здесь и уйти домой, прихватив Шилему и Джордана?»

– Расскажу, – сухо отозвался он. – Это видишь? – указал он на слабое мерцание облака, что следовало за ними по пятам невидимым до того, пока Иван не решил его показать.

Арно близоруко прищурился.

– Это? Что это?

– Колымага, – вставил Джордан, – чтобы через время ездить.

– Через время... ездить? – Арно тупо уставился на фиманца. – КЕРГИШЕТ, так что это?

– Подарок Нардита от самого Времени. Может нас перенести в наше время.

– Хо! – воскликнул дон Севильяк, но явно не поверил.

– Ну да? – засомневался и Арно, но лицо выдавало его волнение. – Но как?

– Вошёл и... поехали! – вставил Джордан.

– Как, не знаю, – Иван положил руку на плечо Джордану, придавил, чтобы тот не вмешивался со своими репликами. – Но эта... штука...

– Колымага, – не сдавался Джордан.

Ивану же хотелось назвать подарок Времени как-нибудь красиво. Ну, не колымага же, на самом деле.

– Да постой ты со своей колымагой! Нашёл название... Я не могу точно сказать, как это образование называется. Но в нём можно как бы изолироваться от текущего времени и передвигаться по всему его полю. Так что это отнюдь не колымага. Впрочем, как ни назови, но эта... колымага... – Иван непроизвольно засмеялся. – Она представляет собой нечто похожее на транспортное средство для движения во времени. И в прошлое, и в будущее, и поперёк потока времени.

– Вот это Ваня!.. – восхитился дон Севильяк. – Домой, только в наше время! Сидя здесь, я разучусь входить в поле ходьбы.

– Он здесь, было, попытался это сделать, теперь не суётся... – рассеянно поведал Арно, он явно думал о чём-то ином. – Я, как и милейший дон Севильяк, тоже хочу вернуться в наше время. Но, КЕРГИШЕТ, давай рассуждать трезво. – Арно недружелюбно посмотрел на фыркнувшую Шилему, сказал наставительно: – Тебе этого не понять, так что помолчи, пока мы будем говорить!

– Тогда давайте назовём таймбус, – влез со своим предложением Джордан.

– Да ну тебя! – отмахнулся Иван. – Шилема, как у вас называют транспорт?

– У нас? А, ты имеешь в виду повозку?

– Пусть, повозку.

– Если возят людей, то – вуш.

– Вуш... Вуш, – поиграл словом Иван. – Пусть – вуш, лишь бы не колымага.

– А что? – воскликнул Джордан. – Вушбус!

Арно неодобрительно посматривал на ходоков, занятых по его мнению, бессмысленным делом.

– Что тебя смущает? – Иван, глядя на него, поспешил вернуться к теме и замять намечающуюся перебранку.

– Многое. Во-первых, сам процесс перемещения. Мы, по моим расчётам, находимся от нашего времени лет миллионов пятнадцать. Так?

– М-м... Сейчас... – Иван силился оценить временное расстояние, сопоставляя виденную картину на карте, как ему теперь представлялось поле ходьбы. И пришёл к такому же выводу, что и Арно. – Так оно и есть... Ну, и что?

– Как что? Да нам всей жизни не хватит, чтобы пробиться к себе!

– А-а... Я пока не могу до конца оценить скорость передвижения этой... штуки. Но она движется во времени значительно быстрее любого ренка. Даже, думаю, проскочим за день.

– За день?! Ты шутишь?

– Нашёл шутника. Я говорю, что есть! Мы с Джорданом... Потом. Это у тебя первое. Что ещё?

– Не слушай его, Ваня, – сказал дон Севильяк. – Я тебе верю.

Арно зло рассмеялся, словно услышал глупость в свой адрес.

– Во что ты веришь? В сказку? – отрывисто бросил он дону Севильяку прямо в лицо. – А по поводу, что ещё, так нас здесь сорок человек. А что может твой транспорт? По одному пробывать будешь? Так точно всей жизни не хвати. Ни твоей, ни нашей.

– А вот это надо проверить, – после непродолжительной паузы сказал Иван. Ему горячность Арно в недоверии возможностей дара Времени была неприятной, но он сдерживал себя, чтобы не наговорить Арно тех же слов, что и Хиркусу. – Пока мы в ней размещались втроём. Но мне кажется...

– Вот именно! Кажется! – выкрикнул Арно и тут же будто увял. На слегка высохшем лице обозначились складки у кончиков губ, старящие его. – Я не верю, КЕРГИШЕТ, – сказал он устало. – Но и здесь сидеть, как гвоздём прибитым к одному моменту времени и в кругу людей... а-а... тоже сил уже нет!

– И мне, Ваня...

– Да, друзья, попали мы с вами в переделку, – со вздохом сказал Иван.

– Но что будем делать? Мы их оставим? – Арно кивнул на колонистов, толпящихся невдалеке.

– Нет. Если все сразу не поместятся, я вернусь... Сколько раз потребуется, столько и вернусь.

– Они перли...

– Мы с вами тоже, – перебил его Иван. – Они живут, несмотря на отсутствие пресловутого Пояса Закрытых Веков, придуманных Пектой.

– Девисом...

– Пусть Девисом. Мне бы с ним поговорить надо.

– Ему с тобой тоже интересно будет. Услышать, что там получилось. Он же считает, что Пекта поторопился, оттого временной канал получился нестабильным и с множеством ответвлений. А он сам не успел опередить Пекту.

– Он что, тоже создавал канал?

– Он так утверждает.

– Ладно, послушаю его. Но вот задача, в каком времени их всех поселить?

– Где бы ты их ни поселил... – Арно задумался. – Тут, КЕРГИШЕТ, опять же всё не просто. Старики, мне кажется, сами могут выбрать для себя место и время. Они знают историю. Во всяком случае, наслышаны. А вот молодёжь? Сыновья и дочь Матери? Да и женщины, что сюда пришли с нами. У них есть дети...

– Сами виноваты! – вставила Шилема.

– В чём? – напористо спросил Арно. – Женщина имеет детей, так это естественно.

– Не кричи! – отозвалась Шилема. – У вас всегда найдутся оправдания. А им, как я заметила, и здесь хорошо! Так и пусть здесь сидят!

– Да, – сказал Джордан. – Тебе, вижу, досталось от них.

– Мне? Это им от меня!

Возникшей паузой воспользовался Иван.

– Мы с вами не о том говорим. Кто захочет остаться, пусть остаётся. Но молодых надо отсюда выводить – это точно. Здесь для них – прозябание и тупик. А среди остальных произведём опрос.

– КЕРГЕШИТ, опрос опросом, но ты вначале проверь, сколько вместится в твою... эту... колымагу?

– Проверим, – нахмурился Иван, его неоднократное напоминание Арно о вместимости облака, стали раздражать.

В конце концов, он уже внятно высказался по данному вопросу: что сам ещё не пока не знает о возможностях облака, а, если все не поместятся, он проделает рейсы неоднократно. И нечего его тыкать носом!

– Э, КЕРГИШЕТ, – отметил его недовольство Арно. – Сердишься, значит, не прав. А...

– Ты можешь помолчать! Лучше скажи, как к ним подступиться, что сказать? И что, Хиркус совсем?.. Вы поссорились?

– Хиркус-то? – хохотнул дон Севильяк. – Он у нас узурпатор и диктатор в одном лице. Мать оттеснил, наводит порядок. Каждый день спектакль. Вот каков Хиркус. – Дон Севильяк помедлил и неожиданно закончил: – Пусть лучше здесь остаётся.

– Пусть остаётся! – жёстко подтвердил Арно. – Никогда не думал, что он способен на подлость.

– Не наговаривай лишнего, – сказал дон Севильяк. И пояснил для Ивана: – Хиркус у него Илону отбил, а он сам увёл у него Жесику. Вот теперь и наговаривает на него.

– Я её не уводил, – огрызнулся Арно. – Она сама.

«О чём они? – брезгливо подумал Иван. – Поистине, куда попадёшь, сам такой станешь».

Отдалённый переливчатый голос остановил пререкания ходоков.

– Завтрак готов. Зовут, – сказала, поднимаясь, Арно. – Пойдём, КЕРГИШЕТ. Там со всеми и поговоришь.

– Пойдём, Ваня. – Дон Севильяк повернулся к Шилеме. – А ты?

– Здесь посижу! – отвернула лицо временница.

– Вот так она всегда, – пожаловался дон Севильяк Ивану. – Посмотри на неё. В мощи превратилась, а от нашей еды нос воротит.

– Не тебе меня учить! – с надрывом в голосе напутствовала Шилема в спину дону Севильяка.

Колонисты сидели за длинным столом, уставленным посудинами из глины и дерева: долблённые, берестяные, плетёные. Лица их были повёрнуты к подходящим ходокам. Что бы там не наговорил им Хиркус, но новый человек интересовал всех.

– Сядем здесь, – указал на свободные места Арно.

Иван уже собирался последовать приглашению и сесть на длинную лавку – ошкуренное бревно. И вдруг услышал громкий насмешливый голос Хиркуса.

– КЕРГИШЕТ, а ты уверен, что тебе здесь подадут есть? Мы...

– Подавись своей едой, Хиркус! – подскочил Иван. – Я прокормлюсь без твоих забот! Слушайте все! Кто желает вернуться в будущее, к людям, того я могу переместить во времени! Если не всех сразу, то группами. Решайте, а я подожду! В случае отрицательного ответа, догнитесь здесь до конца жизни!

Иван выкрикнул последнюю фразу, отвернулся и пошёл назад, к Шилеме.

Шёл, слышал за собой гул взволнованных голов поселян, и злился на себя. Не сдержался. Вспылил. Ведь ожидал какой-нибудь пакости со стороны Хиркуса... Чёрт с ним, с Хиркусом!... Надо было другим обстоятельнее объяснить своё предложение. А он... А! Не возвращаться же? Арно и дон Севильяк пусть им подскажут... Хотя Арно и не верит...

– Я тебе говорила, – встретила его Шилема.

– Что ты мне говорила? – цыкнул на неё Иван и демонстративно сел поодаль от неё.

Агнцы и козлица

Там, за хижинами, у общего стола гомонили.

Иван ждал.

Хорошо был слышен могучий бас дона Севильяка. Это вселяло надежду, что он и Арно донесут до колонистов суть его предложения.

Он вставал, ходил, опять садился. С Шилемой не разговаривал, но и оставаться один на один с собой – тоже занятие неудачное.

Так он помыкался и, наконец, подсел к временнице.

Они молчали. А Ивану вспомнился первый день встречи с Шилемой. Ему тогда показалось, при том очень ярко, именно сиюминутная сцена. Может быть, иной какой-то антураж. Но они, как и ему виделось, сидят и молчат в печали.

– Знаешь, КЕРГИШЕТ, – вдруг проговорила Шилема грудным голосом, упорно глядя при этом перед собой в землю. – Среди братьев, сыновей Матери есть один...

Она споткнулась, замолкла.

– Так что?

– Когда будешь меня брать, то возьми и его со мной.

Она бросила короткий взгляд на Ивана.

– Возьму... Что? Ши-ле-ма!.. Это что же... Неужели ты, наконец-то, нашла для себя мужчину? И он увидел в тебе...

– Ничего он не увидел! Он с братьями смотрит в рот своей матери. Ждёт, что она изречёт. По сторонам смотреть у них времени нет.

– Он что, даже не знает, что ты выбрала его?

– Знает. Да... он меня боится. Эти... наши попутчицы, наговорили. Но трогать его не решились... Пусть только попробуют, – закончила Шилема с угрозой.

– Но...

Ивану признание Шилемы, временницы, не познавшей, может быть за сотни лет жизни мужчины из-за глупого, на его взгляд, отношения к противоположному полу, оказались неожиданными, а высказанные Шилемой угрозы – варварскими какими-то. Да и один из братьев, который попал под её выбор, – в боязни...

Впрочем, какое ему дело до того?

– Возьмёшь?

– Возьму.

– Только он может один не согласиться.

– Мы всех его братьев возьмём.

– Со мной чтобы.

– Конечно... Если сам не пойдёт, – сказал Иван, тая улыбку, – ты только покажи его мне. Я его поймаю и посажу... в вушбус. Надо же! Вушбус!

Шилема его лингвистического восхищения не поняла.

– Я покажу. И тебе помогу... Возьму его с собой... Может быть к брату поведу. Знаешь, никогда не думала, что соскучусь... По брату... Арно!

– Что?

– Арно идёт. Один.

Иван оглянулся. Арно размашистым шагом направлялся к ним.

– КЕРГИШЕТ...

– Почему один?

– Я за тобой. Они хотят послушать тебя.

– Хорошо, – Иван поднялся, но идти и кого-то уговаривать, объяснять не хотелось. – А что они от меня могут услышать нового? Я, кажется, выразился ясно и пригласил их всех.

– Ну, КЕРГИШЕТ. Это тебе всё ясно, а им – нет, – сказал Арно, – с трудом принаравливаясь к неспешному шагу Ивана. – Они здесь живут давно. Некоторые лет уже тридцать. И вот вдруг приходишь ты и говоришь: За мной! Но куда?

– Я сказал...

– И вправду, КЕРГИШЕТ, куда? К тебе в квартиру?

– Почему это обязательно ко мне? Кто где пожелает, там пусть и живёт. Пространства и времени хватит на всех.

– Ты что, не понимаешь? Они забыли, где до того жили, а ты предлагаешь им весь мир, да ещё во времени. Они все эти годы ничего не делали. Что умели – позабыли. Покинь их сейчас скамулы, и они перемрут все от голода.

– Жить захотят, всё вспомнят, – процедил сквозь зубы Иван.

Но в словах Арно таилось нечто важное, порождающее вопросы. Действительно, в какой исторический регион человеческой цивилизации их пробивать? Они здесь опустились так, что находятся на уровне культуры десятого тысячелетия до новой эры.

Да – это задачка!

Хотя... Конечно, надо учесть их мнение: кому куда захочется. Но большую их часть можно подкинуть, например, Дигону. Почему бы и нет? Забыли или не забыли колонисты, как и что делать, но в головах их кое-что осталось, чтобы подсказать Дигону или его многочисленным сородичам это самое «кое-что». Наверное, среди них есть врачи или учителя, связанные с ведением сельского хозяйства: вот они-то и подскажут, что и как сеять...

– Ты не прав, КЕРГИШЕТ, – Арно не согласился с репликой Ивана. – Вспомнят – возможно, но ты же видел их. В большинстве своём старики. Им бы дотянуть...

– Давай пока послушаем их. Как они настроены? Вообще?

– Разброд. Мне даже показалось, что немногим дошёл сам смысл возвращения к людским сообществам. Они привыкли быть одни.

– Я думаю, здесь ты не прав. Как бы они изолировано не жили, а в человеке заложено быть в кругу других людей. И разных, при том.

– Да уж. Пожил тут...

Собрание встречало их молча. И хотя они сидели за тем же длинным столом, но уже не на своих, быть может, насиженных местах, а явно расколотыми на две неравные части. Меньшая – во главе с Хиркусом.

Как бы себя не выставлял «актёр всех времён и народов», всё-таки поведение его представлялось Ивану непонятным. Не собирался же он, ходок во времени и артист, бесславно закончить свои дни в прозябании? А он, по всему, переживёт многих, если не всех, кто откажется податься в будущее. Но и без вероятности омолаживаться в Кап-Тартаре, с потерей ходить во времени и отсутствии самовыражения перед аудиторией зрителей, он может быстро стереться с лица Земли.

Так почему он вдруг стал противником? И не только идее передвижения, но и по отношению к нему?

Между группами сидели Девис с Сесикой. Они демонстрировали своим положением своеобразный межевой камень, разделивший колонистов на правых и левых. Слева расположился Хиркус.

Иван начал сразу, как только остановился. Обратился он к тем, кто не входил в группу Хиркуса.

– Мои друзья, надеюсь, объяснили вам, что есть реальная возможность вернуться ближе к будущему. Быть ближе к людям, а не потеряться здесь навсегда. Я приглашаю желающих сделать этот скачок в будущее. Туда, где есть люди...

– И что мы там будем делать? – слышалось из стана Хиркуса.

– Жить!

Было заметно, что приглашение и краткий ответ Ивана смутил сторонников артиста. Они, наверное, ожидали от него иных слов: объяснений, уговоров или новой вспышки досады на них.

– Но там... плохо, – сказал колонист, сидящий по правую руку от Девиса. – Вспоминать страшно.

Остальные поддержали его возражение, больше похожее на жалобу, но как-то вяло: кто кивнул, кто сказал неопределённое: – Да.

Вообще, не приверженцы Хиркуса представляли собой унылое зрелище. Растерянность читалась на их старческих лицах, в жестах, в погасших глазах.

Зато от кучки Хиркуса раздались злые реплики.

– Вам будет плохо, а ему хорошо!

– Опять побегаєте в поисках канала!

– Да врёт он всё!..

И следом веское выступление самого актёра, но без актёрских замашек, продуманное и, по всей видимости, здесь уже прозвучавшее, так как перекликалось с озабоченностью, высказанной Арно о влиянии их мира и расселении колонистов среди людского сообщества.

– Куда ты их зовёшь, КЕРГИШЕТ? Опять в ад, из которого они едва унесли ноги? Туда, где мы видели не людей, а зверей? Ты хочешь, чтобы они опять вкусили весь этот ужас? Они до сих пор вспоминают о нём и содрогаются. Ты хочешь...

– Я ничего, как ты прекрасно знаешь, не хочу! – прервал Иван его накатанную обличительную речь. – Я только предлагаю желающим покинуть это забытое прошлое и вернуться ко времени, где живут люди. И не обязательно надо возвращаться в нестабильный мир. Пусть это будет прошлое их истории. Стабильное. Там они смогут жить и умереть. Там, среди людей, смогут найти себя, а своими знаниями помочь им... И ты, Хиркус, знаешь, как это делается. Поэтому... – Иван одёрнул себя – не следовало сейчас переходить на личности. – Так что поду-

майте, где бы вы хотели жить во времени и пространстве. Иначе вы здесь деградируете, что, я смотрю, у вас кое с кем подобное произошло! Есть закон. А закон не имеет исключений. Закон, говорящий... – Иван споткнулся на слове. Только что в голове мелькнула формулировка закона и его название, а начал излагать – забыл. Об этом законе он иногда упоминал монтажникам, жуя их за неопрятный вид после очередного подпития. – Проще скажу, – нашёлся он. – Если вокруг дикость, то и вы туда же.

Этого, о деградации, тоже не следовало бы поминать, так как колонисты со своим положением уже давно смирились, а некоторые просто не заметили, как они низко опустились как люди и вели, по сути, травоядный образ жизни: есть и спать.

Неожиданная поддержка Ивану появилась в лице Девиса. Он поднялся: сухой, когда-то, наверное, статный, а сейчас старчески неровный. Попытался выпрямиться, но без успеха.

– Этот парень прав, – сказал он напористо, – напомнив вам, если вы его, конечно, знали, – с лёгкой иронией заметил Девис, – закон объединения разнородного живого вещества в однородных сгущениях. Этот закон суров. Любая система, находящаяся в среде с уровнем организации более низким, чем уровень самой системы, обречена. Как мы с вами в среде скамулов. Так как система теряет свою структуру и через некоторое время растворяется в окружающей среде. Так и мы... Оглянитесь! Что нас окружает? Природа, не достигшая ещё стадии колыбели человечества! Скамулы, чья общественная организация находится на уровне стада! Мы сами, позабывшие: кто мы и что мы! Стареем и в самом деле деградируем. А что ждёт здесь этих детей? – Девис махнул рукой на невдалеке сидящих от него женщин с детьми. – Да они сами станут скамулами! Они будут лишены человеческого общения, потеряют дар речи, не научатся мыслить, не будут знать, что их недавние предки знали работы великих философов, проникли в тайну атома, создали технологии на уровне фантастики... Это будущее стадо баранов! Если, конечно, они догадаются создать стадо, а не вымрут по-одиночке. Мораль такова: молодым надо уходить в будущее!

Девис помолчал, оценил впечатление от своей речи, произведённой на внимавших ему колонистов. А выслушали его с заинтересованностью. Никто не перебил его, никто не возмутился.

Иван с благодарностью смотрел на Девиса. Сам бы он никогда не смог так сказать, как это сделал Девис. Похоже, он всех их уговорил, и можно считать, что дело сделано. Значит, вот-вот начнётся эвакуация. Иван внутренне подготовился к ней, ожидая, как сейчас все встанут и пойдут за ним к Вушбусу, благоразумно оставленного с Шилемой.

Но тут Девис снова заговорил:

– А тем, кто желает дожить до могилы здесь, у кого нет желания свою старость прожить в нищете и голоде – лучше остаться. Так мы решили с Сесикой.

И всё рухнуло...

Словно зачарованные слушатели проснулись, и у каждого нашлось, что сказать. Оттого поднялся такой гам, в котором выкрикнутое пожелание, предположение или рассуждение нельзя было выделить для осмысления. Небольшое, казалось бы, собрание по количеству заинтересованных лиц, но шум возник как от возмущённых манифестантов.

У всех наболело. Возвращение к потерянному, будто бы, навсегда, вдруг, стало возможным.

Но появился выбор!..

Насиженное место бросать, когда над тобой не каплет, когда всегда в наличии еда, когда ничто тебе не угрожает – поступок, требующий обсуждения, к нему надо тоже привыкнуть, чтобы решиться на то или иное. Здесь они как в углу, может быть, не столь уютном, как хотелось бы, но обжитом, терпимом и безопасном. А там, среди людей...

Кто-то сомневался: да правда ли можно передвинуться в будущее? Других волновал вопрос: как они появятся перед людьми в своих одеждах дикарей? Третьих тревожило, кто их там будет кормить? И общее: да и кому они такие нужны?

Лишь немногих заботил выбор времени и места. Но и у них появлялись сомнения и разнообразие желаний: можно ли очутиться ближе к временам святого Патрика; можно ли появиться до войн Александра Македонского, до нашествия гуннов или римлян, то есть в спокойные годы истории? Даже возникли желания побывать в лесу у Робина Гуда или окунуться в атмосферу вольницы пиратов.

И только Хиркус и несколько человек из его сторонников призывали не поддаваться провокации и обвиняли Ивана во всех грехах, вплоть до того, что это он якобы устроил все несчастья, выпавшие на долю колонистов. Но их выкрики тонули среди других, да и не все, как было видно, из группы мятежного ходока поддерживали агрессивную её часть.

Иван только после краткого разговора с Арно, пока они шли сюда, и вопросов, посыпавшихся, словно прорвался до того прочный мешок с ними, так как до того никого они не волновали, стал в полной мере понимать трудности, стоящие перед ним по переселению колонистов.

Ещё часом раньше всё казалось ему куда как проще. Сомнение роилось в одном: войдут ли они в облако все сразу или придётся возвращаться сюда многократно?

Сейчас каждый колонист превратился в запутанный клубок противоречий. Их можно было понять. Перспектива вернуться в человеческое общество, возможность воплощения чаяния, загнанного за годы прозябания в самый тёмный угол сознания, чтобы не напоминало, не тревожило, не снедало, вдруг в одночасье предстала передними и – оглушила. Они не были готовы к этому даже в помыслах, так как не могли предполагать не только о самом возвращении, но и к выбору любого времени, и любого уголка Земли.

Перед их растерянным сознанием не оказалось альтернативы, перед ними возник хаос возможностей...

Стихая, то, вновь разгораясь, спор продолжался, практически идя по кругу, но становился уже более-менее осознанным. Кто-то из кучки, толпящейся вокруг Хиркуса, отступил назад и за спинами перешёл на сторону спорящих колонистов, включился в общее обсуждение. Тем не менее, актёра держалось ещё с десяток человек. Не докричавшись до своих недавних, по сути, соплеменников, они стали совещаться.

А страсти и пристрастия остальных колонистов к тому времени привели к новому размежеванию, не смотря, на общую тему обсуждения и, в принципе, согласия на перемещение. Во всяком случае, так показалось Ивану.

Чуть в стороне остались Девис с Сесикой. Девис высказал всё, а Сесика явно во всём была с ним согласна. Их не занимало, что говорят вокруг, они безучастно ожидали окончания спора.

От группы Хиркуса откололся ещё один недавний его почитатель. Он, воровато оглядываясь и втянув голову в плечи, словно ожидая удара сзади, шмыгнул в середину основной части колонистов и присел, теряясь между ними.

Вскоре вокруг Ивана стали рыхло группироваться желающие поверить ему и уйти в будущее. Вначале робко приблизились женщины с детьми: Харусса, Джесика, Илона. К ним жались те, кто их ещё только ожидал: Рада и Храза. А за ними потянулись колонисты. Возможно, среди них были отцы этих детей. Хелены нигде не было видно. С Хиркусом женщин не оказалось.

Из-под руки Ивана выскользнул Джордан.

– КЕРГИШЕТ, ты их отсюда выдерни, а уж потом они решат, где им будет лучше остановиться. А здесь они как гвоздями прибиты. Так и будут спорить до бесконечности... Да и Хиркус мешать не будет.

– Да уж, – отделался Иван.

Джордан подождал, не скажет ли что КЕРГИШЕТ ещё, но ходоки его предложение встретили неоднозначно. Дон Севильяк повёл на него рачьими глазами и буркнул:

– Это сорняки выдёргивают, а это – люди.

Арно высказался определённое:

– Никого не надо выдёргивать. Пусть сами решают. Выдернешь, а потом что с ними делать будешь? Если не определиться сам, то придётся таскать его с места на место. Давай, КЕРГИШЕТ, уйдём к твоему... к этой... колымаге, – Арно покосился на Джордана, – и подождём. Кто подойдет, того и возмёшь.

Иван кивнул, соглашаясь с Арно. Однако не двинулся с места. Его привлекла Мать. Она стояла на отшибе в окружении своих детей. Сыновья с неразлучными копьями расположились так, как будто ожидали нападения на них со всех сторон, а дочь, миловидная и рано созревшая девочка, прижалась к Матери и смотрела на происходящее испуганными глазами. И то. Если сама Мать могла понимать, о чём спорят и что решают колонисты, то её дети, выросшие здесь в статусе аборигенов и не знающие иной жизни и общества, были сбиты с толку.

– Этих, – сказал Иван и показал на Мать, – надо брать в первую очередь.

– Да, Ваня, – поддержал дон Севильяк. – Жаль их.

– Да, КЕРГИШЕТ, – сказал и Арно, но в его голосе чудилось сомнение. На немой вопрос Ивана, пояснил: – Что они там будут делать? Представь... И Мать...

Арно вздохнул, что для него было не привычно.

– Как её зовут?

– Мать... Другого не знаю.

– А детей?... Девочку?

– Им имена придумывал Девис. Поэтому не удивляйся. Девочка – Артемида. Старший, тот, что справа от Матери, Еврипид. Средний... Он выше всех... Да, этот. Так он – Атилла. Ну, а младший – Чизгинхан. Отзывается на Чисхана.

– М-да... – Иван помял нижнюю губу. – Будешь меня знакомить. Пошли!

– Я не очень-то с ними... в контакте, – хотел отговориться Арно.

– А я совсем незнаком, – парировал Иван и шагнул в сторону семьи Матери.

Братья повели в его сторону копьё.

– Отставить! – скомандовал Иван и обратился к Матери. – К сожалению, я не знаю Вашего имени. Но...

– Меня зовут Мартой! – вскинулась Мать и посмотрела Ивану в глаза.

Она была стара. И, наверное, даже не годами. Её состарила жизнь. Мешки под глазами. Складки у губ; глубокие морщины покрыли всё её неправильное лицо. Опущенная грудь искажала пропорции фигуры.

Старая, жалкая женщина.

Но во взгляде – блеск стали...

– Хорошо, Марта... Ваши дети...

Девочка отшатнулась и спряталась за спину родительницы. Кто её испугал, Иван не понял и сбился.

– Не бойся, Арта! – властно сказала Марта. И Ивану: – Что тебе до моих детей?

Иван вдруг стал сердиться. Ну, в конце концов, что происходит? Он к ним со всей душой, предлагает вариант возвращения из дикости и вымирания в цивилизованный мир, а они? Одни оглушили спорами, другие, того и гляди, драку затеют, а сам он, по сути, благодетель везде встречается в штыки, как если бы был виновником всех их бед. И эта Марта вот. Мать. Слышала же и должна понимать, что его предложение во благо её детей. Так нет же! Как на вурдалака какого-то смотрит на него. Как на жаждущего крови её отпрысков...

– Мне до твоих детей дела нет! – резко сказал он. – Я лишь могу обеспечить их переход в будущее, к людям. Чтобы они и себя могли ощутить людьми. И тебя тоже с ними...

– Люди? Насмотрелась я на людей. Вот где дикость! И ты хочешь, чтобы и они, мои дети, очерствели душой, жили бы в злобе и зависти? Чтобы каждый, походя, мог обидеть их?

Им лучше здесь умереть на руках заботливых скамулов, но не знать подлости и бесстыдства людей... Ты хочешь...

– Я ничего не хочу! – почти с угрозой оборвал обличительный поток её слов Иван. – Если ты запугана людьми, это не значит, что твои дети должны быть лишены их общества. Как бы не сложилась их судьба, но ты не вправе лишить их счастья быть тоже людьми, а не уподобляться соплеменникам скамулов. Твои дети должны... Твои дети имеют право видеть мир, получить знания, стать... А-а!.. – в сердцах воскликнул Иван, видя, что весь его пыл разбивается о решительность женщины, ставшей на защиту своих детей от посягательства на них кого бы то ни было. Он шумно продышался и проговорил спокойнее: – Что сулит твоей дочери прозябание здесь? Ты о том подумала? Все люди смертны. И ты, и я... Что они тут будут делать без тебя? Я думаю, будут проклинать тебя!.. Решайся!

Он хотел уже отступить назад и оставить Мать наедине со своими мыслями, но её лицо дрогнуло. Слёзы сверкнули в глазах: в них ещё тлел огонь несогласия, но слёзы гасили его.

– Но кто защитит их там? Они доверчивы и добры... Они не поймут... Их не поймут и обидят...

Она старалась говорить связно, но слова застревали у неё где-то внутри, а потом вырывались. Но не все, оттого её сетования теряли смысл.

Наверное, дети впервые видели свою мать в таком состоянии; они затревожились, стали поглядывать на Ивана исподлобья, так как это он довёл её слёз.

Но Иван вдруг стал понимать её. У него не было опыта быть хотя бы отцом, так что ему знать и говорить о материнских проблемах? И всё-таки... Её неподдельные переживания за судьбу своих детей тронули его, но, к сожалению, он затруднялся дать ей вразумительный, успокаивающий ответ на её естественные вопросы.

Да и что он мог? Стать нянькой для них? Воспитателем и поводырём в мире, где они и вправду могли потеряться и не стать его полноправными составляющими?

Ни того, ни другого!

Он мог только предложить выход из создавшегося положения, давящего на колонистов и их несчастных потомков, не имеющих будущего – будущего людей и всего того, что связано с ними.

Он предлагал выход, но отнюдь не обретение блаженного бытия без суровых превратностей жизни.

Всё это промелькнуло в голове у Ивана и отлетело: времени на такие отвлечённые раздумья не оставалось. Основная масса колонистов уже пришла к окончательному мнению – идти с ним в будущее. Да и поредевшая группа Хиркуса что-то решила и на что-то решилась.

– Веди их за мной, – сказал он Матери, – а уж там будем разбираться... Что?

Арно толкнул его в плечо.

– Послушай Ридера, – он указал на невысокого человека, совершенно лысого, но с окладистой тщательно ухоженной сизо грязной бородой.

– Да... Ридер? Что у тебя?

– Через... э-э... полчаса, – Ридер оглянулся на притихших колонистов, ища поддержки своим словам. По видимому, нашёл её, так как, словно подвёл черту подо всем, что здесь было обсуждено и пережито, сказал: – Мы будем готовы!

– Жду... Марта?

– Забирай детей! А я... Кому я там нужна?

– Детям нужна! – повысил голос Иван. – Арно, подтолкни её! Дон Севильяк, помоги и ты... Я жду всех там... У Шилемы.

Иван тряхнул головой, в ней как будто что-то плеснулось. Он почувствовал усталость и жажду.

Но дорогу ему преградил Девис. Иван попытал его обойти, но тот пристроился к нему и пошёл рядом, за ним, как привязанная к нему, – Сесика.

– Это ты, как говорят некоторые, побывал как будто за Поясом Закрытых Веков? – словно нанизал слова Девис. – И даже видел Пекту и Напель?

– Побывал. Напель считала, что Пекта выбросил тебя в Прибой, а ты, оказывается, попал сюда. Впрочем, она уверена, что ты её отец.

– Отец её Пекта. Но мы с её детства много общались. Может быть, поэтому у неё появилась такая мысль. Тем более... – На сухом лице Девиса появилась гримаса неудовлетворённости собой, он помолчал. Заговорил совершенно о другом: – Я тогда не успел создать настоящий канал, а Пекта поторопился. Ещё день-два...

– Опоздай Пекта ещё на пару часов, и ни ты, ни он ничего бы не создали, – перебил его Иван.

– Наверное, – печально согласился Девис. – Если бы мы с ним работали вдвоём, то могли бы создать полноценный канал раньше...

– Что помешало?

– Амбиции. Его и мои, конечно. Были молодыми... Дурными... Да и Мэри... Мать Напель. Она стояла между нами.

Иван кивнул. Напель тоже об этом упоминала, упрекая Пекту. Сказал:

– Любовь зла... Скажи, Девис, кто такой Мелис? Он похитил у меня Напель.

– Мелис? – Девис задумался. – Может быть, я когда-то и знал, кто он, но забыл. Нет, даже не припомню, хотя знал почти всех, кто окружал Напель. Мелис... Нет!

– И... – Иван замялся. – Скажи ещё. У неё во лбу – третий глаз? – и поторопился добавить: – У Пекты тоже такой же след на лбу, как у Напель.

– У меня тоже, – Девис повёл рукой и коснулся середины своего лба. – Но шрам постепенно зарос. Хотя... – он ощупал лоб над переносицей, – что-то ещё осталось. Но...

– Глаз?

– Ну, почему обязательно глаз? Энергетический луч. Это такая... Не знаю, как тебе объяснить... Небольшой камень ярко-красного цвета. Он накапливает энергию и с его помощью можно дать импульс против кого-нибудь и ослепить, а то и парализовать.

– А-а... Рубиновый лазер, наверное.

– Может быть. Мы с Пектой придумали, как это сделать, чтобы отпугивать тех, кто нам не нравился... Потом мы с ним рассорились. Так что Напель, наверное, обрела этот луч уже без меня... Да-а...

Он неожиданно отстал, а Иван не стал его поджидать. Ему почему-то не хотелось вытягивать из Девиса подробности. Попадись он ему хотя бы месяц назад и не здесь, а там, дома, вот тогда он его расспросил бы как следует, а здесь...

Да, и надо ли?

Игра со временем

С Шилемой, так и не покинувшей причудливой коряжины, на которой сидела в образе Алёнушки, горюющей по братцу Иванушке, Иван оставался недолго. Но передумать успел о многом. То, досадуя на себя, что перед лицом местной общины вёл себя не так, как хотелось бы, то, думая о Напель с унылой безнадежностью, то, теряя и тут же обретая уверенность, что переход из прошлого в будущее пройдет нормально,

Нормально, если, конечно, колонисты будут вести себя без безумства, не к месту вспоминая, как они сюда попали по одному из рукавов канала Пекты. Их даже можно понять. А, пробив в будущее, предстояла немалая возня размещения каждого из них среди людей.

Единственное, что грезилось ему в поисках места, куда он их поместит, так это относилось только к Марте с детьми. Он даже похвалил себя за находку. Надо будет подкинуть её в Дигону и подсказать ему, как вести себя с ними...

К Дигону... А там Зинза... И вообще, – у Ивана заняло сердце. – Где-то там Лоретта, Ил-Лайда... И – Напель! А он мотается по векам как неприкаянный, лишённый их ласки...

Он перевёл дыхание.

Пусть Мать и дети поживут в таборе Дигона. Там они постепенно сольются с родом ходока и смогут устроить свою жизнь. Во всяком случае, часть забот Иван, принимая такое решение, считал скинутыми с плеч. А куда поместить остальных, так пусть это будет их головной болью. Пусть решают и ищут сами, а он для них – никто, он только перевозчик...

«Ха!.. Перевозчик!..» – усмехнулся Иван и подумал, что так оно и есть по своей сути. Конечно, перевозчик своеобразный, но – перевозчик! И перевозчик на таком же своеобразном транспорте.

– Они идут! – напомнила о себе Шилема.

Иван вскинул голову.

К ним шли колонисты. Кучно, но явно не все. Возглавлял их Арно, а дон Севильяк взял на себя роль замыкающего. Может быть, кого и подгонял. Почему бы и нет? Чтобы не передумал. Дрогнет один, на него будут равняться сомневающиеся, а там, глядишь, опять всё сначала надо будет проводить: предлагать, объяснять, ждать...

Женщины с детьми и другие жались к середине, за спину Арно, на лице которого лежала печать несвойственной ему обеспокоенности и даже суровости.

Хиркуса среди подходящих колонистов не было. Чуть в стороне ото всех, грузно ступая, широкими шагами шёл Девис, рядом с ним, под руку, семенила Сесика.

– Они согласились, – коротко доложил Арно и махнул рукой за себя. – Но Хиркус...

– Понял.

Иван дал мысленную команду облаку. Оно будто материализовалось, колыхнувшись заметным светло-матовым образованием в виде большого шара. Края его пульсировали, оно, словно, дышало. Облако плавно накатило к Ивану и остановилось рядом с ним.

– Это... – Иван запнулся, соображая как сказать. – На этом мы пойдём с вами в будущее. Итак... По одному ко мне! – Никто из колонистов не двинулся. – Арно?

– Жесика, – оглянулся Арно, – начнём с тебя с Жюлем. Смелее, дорогая!.. КЕРГИШЕТ, пусть она и мой сын...

Жесика с ребёнком на руках с испугом посмотрела на протянутую к ней руку Ивана. Помедлила и нерешительно, предварительно оглянувшись на Арно и получив от него успокаивающий кивок головой, протянула навстречу свою свободную руку.

– Молодец, – похвалил её Иван. – Входи!

Он потянул её к облаку, но женщина вдруг упёрлась и никак не хотела переступить вставшей перед ней матовой шторой вушбуса. Ивану ничего не оставалось, как войти вместе с ней во временной кокон. Вернее, не входить, а втянуть её туда, приказав облаку погрузить себя внутрь, что оно и исполнило, надвинувшись на него и Жесику с дитём, обволакивая их своей субстанцией.

– Жди и ничего не бойся, – сказал он ей, когда она чуть успокоилась, и вышел наружу.

Колонисты с явным облегчением встретили его появление живым и невредимым.

– Следующий! Не тяните! Ко мне... Так... Руку!.. Входи!..

Облако покорно поглощало людей, направляемых в него Иваном. Ему помогали, подталкивая нерешительных, Арно и дон Севильяк.

– Теперь вы сами, – распорядился Иван. Когда ходоки вошли, он посмотрел на Шилему, спросил, хотя уже знал ответ. – Он здесь?

– Нет.

– Да, Мать всё ещё колеблется. Тогда... Знаешь, пусть она себе там решает, а мы их всех просто выхватим отсюда. Входи!

Иван прощально махнул рукой Девису и Сесике, те в ответ покачали головами.

– Пусть время бережёт вас, – сказал Девис.

– Они! – Шилема смотрела за спину Ивану. – Хиркус...

Иван обернулся.

С пол дюжины мужчин, возглавляемые Хиркусом, спешили к месту погрузки колонистов.

Иван почти втолкнул Шилему в облако, так как временница упиралась и не хотела его оставлять одного. А сам стал поджидать единомышленников Хиркуса. Те явно были обескуражены, застав одного Ивана (на Девиса с Сесикой они даже не посмотрели, словно их здесь и не было) и какое-то вздувшееся мерцающее образование рядом с ним.

На длинном подвижном лице Хиркуса читалась растерянность. Что он собирался здесь увидеть, ему и самому, наверное, невдомёк было, но только не одинокую фигуру КЕРГИШЕТА и мгновением раньше куда-то шмыгнувшую и пропавшую из вида Шилему.

От его недавней решительности не осталось ни следа. Как и у тех, кто остался на его стороне, либо в силу своих каких-то убеждений, либо, что было вероятнее всего, поддавшиеся обаянию Хиркуса. А он знал прекрасно, как завоевать сердца колеблющихся или, что тоже было вероятнее, почитателей его таланта.

Иван ждал.

Хиркус с чуть приотставшей от него команды подходил, постепенно укорачивая шаг.

Иван подумал: чего он ждёт? Вот Хиркус сейчас подойдёт и надо будет с ним о чём-то говорить. Вот так бы пусть он со своими единомышленниками шёл бы и шёл там... где сейчас идёт... но чтобы шёл бы долго... но чтобы был на виду...

Подумал и мысленно отгородился от Хиркуса и его приверженцев, давя на тот отрезок пути, что им предстояло ещё пройти до него.

И она, компания... всё так же направлялась в его сторону, но вдруг точно остановилась, так как расстояние между ним и ими перестало сокращаться.

Вначале они не заметили перемены. Лишь Хиркус стал проявлять беспокойство и замедлять шаги. Он не осознавал пока, что происходит: он идёт, земля под ногами уходит назад, а на самом деле продвижения вперёд нет, словно он стоит на одном месте.

Да и Иван, вызвав пока что непонятым образом желаемое, так же был озадачен произведённым эффектом. Вот они идут, спешат, лица их покраснелись, но как были в шагах двадцати от него, так и сейчас там находятся.

Но ведь идут!..

Наконец, сообразил: между ними пролегло время. Они идут, но когда: вчера, завтра? Часом раньше или позже? А, может быть, их сейчас разделяют годы?..

У сторонников Хиркуса тем временем началось замешательство. Странно, но Иван слышал каждое слово, произнесённое ими. Впрочем, то были не слова, а междометия неприятно удивлённых людей.

Хиркус стал звать к нему, Иван ответил, и время исчезло между ними.

– Зачем пожаловал? – спокойно спросил Иван.

Хиркус вспыхнул, повёл в стороны локтями, вытянул шею. Так и застыл на мгновения.

– Ты, – сказал он позже нормальным голосом, – всё-таки сумел обмануть их. Ты...

– Тебе тоже удалось обмануть их, – не дал ему договорить новое обвинение в свой адрес Иван и кивнул в сторону угрюмой компании за спиной Хиркуса. – Только я сделал это во благо, а ты – во зло. Себе – тоже. Кто ты здесь?.. Вот именно – никто! Для тебя, актёра, – это смерть!

Необыкновенный нос Хиркуса причудливо изогнулся. В ответ на слова Ивана, которые тому показались неотразимо убедительными, Хиркус выпалил:

– Ты, КЕРГИШЕТ, ещё пожалеешь, что бросил меня здесь и этих несчастных людей! – повёл он театральным жестом рукой в сторону своих единомышленников. – Ты сам себя съешь, совестливо вспоминая свой отвратительный поступок! Вся твоя жизнь превратится в кошмар! Ты потеряешь сон и аппетит! И твои обтянутые кожей кости будут греметь в поле ходьбы, пугая его обитателей. Именно так, КЕРГИШЕТ, и будет!

Иван на этот неожиданный выпад долго не знал, как отреагировать: возмутиться или рассмеяться? Лучше, конечно, придать словам уморительно смешной оттенок. Действительно: быть самому против, но обвинять в том кого-то другого. Однако это-то и возмущало.

Дать бы ему по огурцу, что у него носом зовётся!..

– Значит, всех я обманул, взяв с собой? А тебя не взял, потому что ты не хочешь, то пожалей? Твоя болтовня не повлияет на моё спокойствие. Нет, уж! Ты сам выбрал для себя место заточения. Так что посиди здесь ещё годика три, подумай, а я, может быть, тебя как-нибудь навещу и посмотрю: в мозгах твоих просветлело или они ещё больше поползли набекрень?

Сказал и без усилий, одним лишь внутренним напряжением, словно в ожидании толчка извне, отбросил Хиркуса с его компанией прочь от себя во времени, поставив перед ними к нему недостижимый для них промежуток – за годы не добежать.

Манипуляции со временем, создание некоего временного буфера Иван произвёл машинально и даже не удивился внезапно обретённой способностью. Он как будто уже давно ощущал в себе такую возможность власти на локальное разряжение или сгущение времени вокруг себя, а может быть, и в другой пространственно-временной точке, что надо было ещё проверить, так ли это на самом деле.

А само чувство управления временем у него подспудно зрело после посещения границы будущего времени, когда побывал там по просьбе Маркоса. Будто там эту способность он подхватил как болезнь, как инфекцию, став соучастником творения Временем всего сущего.

И вот, наконец, сегодня, быть может, в порыве душевного расстройства, сумел воплотить обретённый дар в реальное действие.

Впрочем, в реальное ли?

Но Ивану осмысливать это пока было недосуг.

Стоящий в стороне Девис с Сесикой, по всему, что-то уловил в происходящих вокруг него метаморфозах: либо сам попал под воздействие временного сдвига, либо заметил эволюции его на примере ватаги Хиркуса. И когда Иван, прежде чем войти в облако, обратился к нему: не передумал ли тот остаться здесь, Девис сказал:

– Э, как там тебя... Иван... КЕРГИШЕТ? Мне туда лучше не соваться. Думаю, что там ты натворишь ещё дел... Не хочу говорить – бед... Лучше я закончу свои дни здесь. И привык уже, и обрёл Сесику... Да и вдали ото всех житейских тревог, в том числе и от тебя. Но мой совет тебе: меньше играй временем. Смотрю, ты слишком увлекаешься этим. А Время не прощает...

– Ты это знаешь? – насторожился Иван, ибо слова Девиса несли в себе предупреждение.

– Знаю! – резко отозвался Девис и повернулся к Ивану спиной.

Он полу обнял за плечи Сесику, и они неспешно стали уходить, оглябая временную подушку, созданную Иваном, чтобы не подпускать к себе Хиркуса с компанией.

А в ней явно наметился раскол, но Иван уже озабоченным иным.

Из облака кубарем вылетел как от хорошего пинка под зад один из колонистов. Он вскочил на ноги и стал дико озираясь. Иван не успел узнать от него, в чём дело, как следом, по другую сторону от него колыхнулся воздух, загустел сумеречным занавесом и материализовался Нардит со свитой.

Нардит... В громадном цветастом тюрбане со свисающими с него колтами. В грубом сером пончо до колен. Ниже – нервно переступающие лошадиные ноги с громадными копытами.

Свита... На головах шлемы, тела закрыты чёрными панцирями. В руках тяжёлые булавы, у некоторых положенных на плечо.

Глаза Нардита раскалёнными углями в упор смотрели на Ивана.

– Я что-нибудь сделал не так?

– Нет, – отозвался посланец Времени.

А, может быть, это показалось Ивану, что тот сказал именно это слово.

Из облака вылетел и распластался на земле ещё один колонист, а первый, выброшенный из его чрева, потирал ушибы и постепенно приходил в себя.

Видение Нардита моргнуло. И в те короткие мгновения, на которые он пропал, Иван почувствовал осязаемое прикосновение к его существу и проникновение в мозг какой-то потусторонней силы. Она болезненно отозвалась во всех его членах и в висках, и отпустила, словно для того, чтобы он вновь увидел преобразившегося Нардита: в ветхой хламиде и с венком жёлтых мелких цветов на несуразной его голове. И услышать, вернее, впитать, его обращение к нему:

– Им надо дать своё время.

– Своё время? Что это значит... – Но Нардит растаял, так что Иван досказал свой вопрос по инерции: – ...дать своё время?

И тут с рёвом: – Ва-а-ня! – из облака головой и плечами вперёд выскочил дон Севильяк и, пробежав несколько шагов, упал на колени, упёрся в землю руками и встал: раскрасневшийся, ошеломлённый и... жизнерадостно, как только он умел, смеющийся.

– Оно... эт-то... – захлебнулся он в хохоте и, дёргаясь всем телом, – щекочет! Это ты пошутил, Ваня?

– Какие шутки?! – воскликнул Иван, едва отскочив в сторону, чтобы пропустить выброшенную из облака визжащую Хразу.

– Ты зачем туда посадил мышей? – набросилась она на Ивана, едва придя в себя.

– Каких ещё мышей? – возмутился Иван. – Что там происходит?

Он отмахнулся от наседающих на него отторженцев облака и вошёл в него. Там творилось нечто странное. Большая часть введенных им сюда людей сбилась в тесную группу, отступившей под напором четверых беснующихся колонистов. Каждый из них занимался своим: прыгали, остервенело чесались, делали необычные движения, словно находились в невесомости, дико, наливаясь кровью, кричали, а в целом создавали картину безумства.

Появление Ивана одни – смирные – встретили с надеждой, а безумствующие – с облегчением: они стали приходить в себя, затихать и осмысленно осматриваться.

– Арно, что здесь произошло? – обратился он к ходоку, стоящему впереди большей части людей в боевой позе, обороняя её от тех, кто только что неистовствовал. – Давно это началось?

– Да сразу, как сюда ты переправил всех.

– И сразу все

– Да нет, будто, – неопределённо пожал плечами Арно, он явно не знал, как ответить Ивану.

– Джордан, ты что-нибудь отметил?... Ты где?

– Здесь я, – фиманец пробился вперёд и встал рядом с рослым по сравнению с ним Арно, отчего потерялся на его фоне. – Они... Их как будто отбило от нас. Как стенка между нами появилась. Их – туда, нас – по другую сторону, сюда.

Арно покривил губы и сверху вниз посмотрел на Джордана.

– А дон Севильяк?

– Его отдельно и от нас, и от них... С ним ещё двое было. Потом его не стало.

– Так. Ну, а Храза?

– Вообще её не видел.

– Её... её я тоже не видел, – подтвердил Арно и стал усиленно высматривать среди женщин Хразу. Позвал: – Храза!

– Как не была, – возразил Иван. – Она же...

– Да была она, была! – подала голос Шилема, тоже выдвигаясь к ходокам. – Она бегала тут от кого-то, кто её догонял, и вопила.

– Так, – подвёл черту Иван, не зная, что ещё сказать, а в голове крутилась, да и на языке тоже: «им надо дать время».

Но что бы это означало: дать время? Дать время привыкнуть? И тогда облако не станет для них местом, где им не прижиться. Если так, то проблемы нет: пощекочет, подёргает, попугает мышами, как Жесику, и – всё уладится.

А, может быть, он должен с ними поделиться временем? Вернее тем, что проявилось у него при отторжении Хиркуса? Но как?

И ещё гвоздём сидели слова Девиса: – «Не играй временем...»

А, может быть, ну их всех к чёрту!?

Он тут ломает голову: что да как, а вошёл сюда – и всё успокоилось.

Иван заставил стенку облака стать прозрачной для всех колонистов.

Рядом, рукой достать, стоял встрёпанный дон Севильяк, тараща глаза, но явно ничего не видел. Черты лица его сложились в обиженную маску: бросили, забыли?

Чуть дальше от него испуганно оглядывалась Храза. Она слегка наклонилась, и что-то выпрашивала у колониста, покинувшего облако первым. Второй уходил к группе Хиркуса, всё ещё удерживаемого временным пространством, но колонист пересекал его, как было видно, беспрепятственно.

Дон Севильяк дрогнул от внезапно из ничего возникшей руки, потянувшей его тоже в никуда. Он стал вырываться, пока Иван не показался сам и не прикрикнул на него.

Оставить облако полностью Иван теперь не решался, боясь, что с некоторыми колонистами, да и с доном Севильяком могут опять случиться неприятности. Поэтому, втащив дона Севильяка, ожидающего нападения на него щекочущего ощущения, Иван лишь выдвинулся наружу плечами и позвал Хразу. Но та в ответ только отрицательно мотнула головой.

– Остаёшься?

Последовал тот же ответ.

– Я ждать не буду! И так уже... А ты что решил? – обратился он к колонисту.

Ответ последнего опередила Храза.

– Позови Арно!

– Зачем он тебе? – возмущённо воскликнул Иван.

Ну, точно, как в деревне. Подойдут к воротам, заглянут и – позови имярека.

– Не твоё дело! – дёрнула развитыми плечами Храза.

– Нет уж. Это уже моё дело! Оставайся! А ты иди сюда, если решился на переход к людям.

Колонист ещё некоторое время колебался, но, видя решимость Ивана, поспешил к нему, и секундой позже очутился в облаке.

– Я тоже! – закричала Храза.

Иван зло цыкнул на неё.

– Входи! Быстрее!.. – подогнал её Иван, хотя необходимости этому не видел.

Но ему надоело уговаривать, размещать, успокаивать и вообще, заниматься не тем, чем ему хотелось бы.

Но была и правда в том, что он не знал, чем заниматься.

В конце концов, возвращение домой поставит перед ним снова и снова один и тот же вопрос: что он должен будет делать, чтобы дать или придумать какое-то дело ходокам?

Да и не могло быть у них никакого дела, как он теперь догадывался, хотя ещё не мог сформулировать свои подозрения, чтобы сказать им о том.

Прерванный переход

Знакомая картина – карта времени – простёрлась перед ним.

Иван не стал вдаваться в подробности, что видят ходоки, о чём он обычно их спрашивал. В конце концов, каждый видит нечто своё и не то, что видит он.

Однако дон Севильяк удивлённо отметил:

– Мы тут что... по воде поплывём? – А на немой вопрос Ивана пояснил: – Вода же кругом и волны... И... – Он распахнул и без того большие глаза. – Она же течёт! Вон туда, Ваня.

В том направлении Иван видел будущее, поэтому, не вдаваясь в подробности своего видения, сказал:

– Вот мы и поплывём по течению... К нам...

– Мы разве на корабле? – Шилема с сомнением оглядела ходоков. – Здесь же сплошные... дерби. И деревья.

– Мы не на корабле и под нами не вода. А зарослей никаких нет. Я вижу иное, нужное нам. Если вы видите другое, то это так и должно быть. А сейчас помолчите. Займитесь собой. – Стенки облака для всех затуманились. – Мне надо...

Он не договорил, так как хотел сказать: сосредоточиться, но облако, по-видимому, уже получило от него какой-то подсознательный сигнал. Возможно основной, о чём он только и думал: двинуться по оси времени. Рисунок «карты» дрогнул и плавно поплыл вниз под ноги Ивана; туда уходило прошлое.

Он не удержался и облегчённо выдохнул:

– Мы двинулись!

Всё-таки его временной «ковчег», как ему казалось, был им самим перегружен сверх меры. А он, оказывается, так же легко, как прежде, когда они были вдвоём с Джорданом, а потом втроём с Шилемой, подчинился его воли.

Иван не торопил его движение. И так тысячелетия отлетали прочь в считанные секунды.

Но время в самом облаке шло своим нормальным чередом, и ходоки, и колонисты постепенно оживали после напряжения принятия решения и погрузки. Иван слышал за спиной нарастающий гул голосов, пискнул ребёнок и бормотание матери, но сам ни с кем не общался.

Подумав, он наметил сделать первую остановку где-нибудь в пятом тысячелетии до той эры, где он прожил сам. Поэтому был погружён в исчисления расстояний на карте времени. Ему удалось чуть позже отметить, что оно, это расстояние не линейно: время ближе к будущему словно растягивалось и вскоре уже не тысячи, а только столетия отсчитывались в том же промежутке времени, текущему в облаке. Эта нелинейность не давала возможности сделать хотя бы приблизительную ориентировку. И Иван уже свикался с мыслью, хотя она была ему в тягость и претила, что придётся таки вначале подойти под самую стену монолита его будущего, а затем уже либо развозить в облаке, а то и пробивать колонистов через поле ходьбы в выбранные ими точки зоха.

Как вдруг...

Иван вздрогнул от моментально возникшего в нём чувства уверенности и свободы. А именно: он оказался в пределах своего кимера, достигнутого облаком, где мог с точностью до метра и секунд выходить в реальный мир и становиться на дорогу времени. К тому же он, наконец-то, доподлинно узнал пределы своего волевого и физического погружения в прошлое как ходока, как КЕРГШЕТА. Предел этот находился в пятистах двадцати двух тысячах до дня его рождения. Где-то в середине тысячелетия. И, пожалуй... Иван прислушался к себе... Да! Ближе к весне...

Иван повеселел, принял более свободную позу. Теперь он мог остановить облако там, где это ему будет нужно. Оттого даже замурлыкал какой-то невнятный мотивчик несуществующей песни.

Арно, заметивший резкое изменение настроения Ивана, обратился к нему с участием, назвав его впервые по имени:

– Ваня, что-то не так?

– Напротив, всё так. Я узнал, по-видимому, настоящий предел своего кимера как ходока.

– Сколько? – восторженно воскликнул Арно, и, когда Иван назвал этот предел, он задохнулся от услышанной цифры и сказал, словно выдал из себя: – Да, Ваня... Ты – КЕРГИШЕТ!

Иван усмехнулся. Он был чрезмерно доволен и новыми сведениями о своём кимере, и произведённым эффектом на Арно, да и вообще, складывающейся ситуацией.

– Где будем делать первую остановку? – обернулся он к ходокам.

Они плотной кучкой стояли за его спиной, как заслон от беспокойных колонистов, не знающих ещё своей участи: они согласились на переход, но что-то ещё будет... К ходокам вплотную подступили женщины, волей судьбы прошедшие с ними и побочный канал Пекты, и скачки во времени на острове мивакуков, и в колонии.

– В четыре тысячи сорок девятым, на севере Африки... – первой высказалась Шилема и назвала координаты точки зюха в пространстве.

При этом она крепко держала за руку среднего сына Матери, отодвинув её и других детей в сторону.

– Что там?

– Большое поселение.

– Но... – засомневался Иван. – Примут ли там тех, кто решит остаться с ними?

– Примут! – уверенно заявила Шилема и снисходительно добавила: – Я у них не однажды наводила порядок.

Дон Севильяк гыкнул, готовый рассмеяться.

– Тем более, – сказал Иван и осадил дону Севильяка взглядом. – Мы уйдём, а им там жить.

– Я побуду там столько, сколько надо будет, чтобы они прижились.

– Везде-то она наводит порядок! – почти с восхищением воскликнул Арно. – Не от тебя ли пошла мода на диктаторов и тиранов? Как там?.. Порядок – «превыше всего!..» Ваня, высаживай её, только чтобы те, кто останется с ней, не знали, с кем им придётся общаться.

– Я бы точно не остался, – буркнул Джордан и косо посмотрел на Шилему: не дотянется ли она до него.

– А тебе там делать нечего, – быстро отреагировала Шилема. – Сиди в своём Фимане и ругайся со всеми всласть, как ты это умеешь делать.

– Перестаньте!.. – произнёс Иван, но тут же вздрогнул и поперхнулся.

От неожиданности он даже вспотел, так вдруг поразила его догадка о замеченном им уже давно каком-то странном движении по карте времени каких-то невнятных крапинок. Они возникали то там, то здесь, существовали мгновения, чтобы скользнуть в прошлое или будущее и пропадали. Их сменяли другие, отчего временной полигон мелькал, словно от капель дождя, исчезающих сразу после падения. И чем ближе к будущему приближалось облако, тем чаще становился этот дождичек.

И сейчас чисто случайно обратив внимание на одну из многочисленных капель, он увидел в ней бородатого мужичка, сосредоточенно погружающегося в прошлое.

«Это же!.. – вот отчего вздрогнул и вспотел Иван. – Это же ходоки во времени!»

Это они усеяли полотно карты времени своими переходами, появляясь в поле ходьбы, и исчезая при возвращении в реальный мир.

Но тогда...

Иван онемел, пытаясь разобраться в мешанине снующих ходоков. По всему, он отмечал их переход в прошлое лишь вскользь, а вот в будущее их пребывание растягивалось, возможно, оттого, что облако двигалось туда же. Переходы осуществлялись в основном на короткие промежутки времени, но две точки почти совпадали со скоростью движения облака, так что Иван успел в одной из них увидеть ходока под громадной корзиной, наполненной чем-то до самых краёв. Пот градом катил по смуглым щекам молодого ещё человека; он явно был ранен. А вот во второй точке оказался непонятно кто: несуразное создание то ли из-за нелепого одеяния на нём, то ли это был не человек: уж слишком пластичными казались его движения, – так хищник подкрадывается к жертве.

Может быть, это была особь одной из разновидностей тарзи, – машинально подумал Иван, когда точка выцвела: ходока, кто бы он там ни был, вышел из поля ходьбы.

Всё это было интересно, требующим осмысления, но за его спиной стояли ходоки, представления которых не совпадали с новыми реалиями, открывающимся Ивану.

Он стряхнул наваждение, готовое превратиться в нить ненужных сейчас рассуждений и осознания. И крапинки на карте исчезли, словно лишённые зрителя, им не было нужды показываться. Осознав произошедшее, Иван оглянулся к ходокам.

– Ладно. Арно поговори со всеми. Только нормально поговори. Никаких тиранов и диктаторов. Просто предложи остаться в большом поселении людей. А ты, – обратился Иван к Шилеме, – всю семью Матери забираешь с собой?

Шилема от его вопроса побледнела, воровато оглянулась на Мать и прошептала:

– Забирай их куда-нибудь. Я там буду только с Аттилой... А, КЕРГИШЕТ?

Дон Севильяк дождался своего часа и дал себе волю, гулко, словно в большой бочке, сочно рассмеялся. За ним по воробыиному чирикнул Джордан, но заступил за Ивана, чтобы не попасть под горячую руку временницы. Она же стояла необычно робкая, даже жалкая, и умоляюще смотрела на Ивана.

– Вы тут чего? – вернулся после разговора с колонистами Арно.

– Сель а ви, – сказал дон Севильяк.

– Кто-нибудь будет оставаться? – спросил Иван.

– Да почти половина. Им здесь сидеть, как в мешке. В неведении хуже, чем неизвестность в реальном мире.

– Вот и хорошо. Вы знаете... Это поселение в струе времени Дигона... Н-да... Мир тесен даже для нас! Я сейчас попробую вам показать... – Иван настроил облако стать прозрачным. – Что видите?

Иван спросил, но по лицам и невольным звукам ходоков понял: они видят то же, что и он: – поселение людей.

Здесь цвела будущая Сахара, километрах в пятистах от низовий Нила, на берегу большого озера, кое-где поросшего по берегам камышом. Виднелись островки с мелким кустарником и тем же камышом.

Жилища – глинобитные четырёхугольники без кровли – вольготно и беспорядочно протянулись вдоль топкого берега. Жаркое солнце полудня, по-видимому, загнало обитателей поселения в тень, лишь с десятков их копошился на берегу, да такое же количество собак окружало их.

– Итак, где?

Шилема почти беззвучно отозвалась:

– Вон у того маза, – показала она в стороне на отшибе стоящего строения. – Лучше внутри, там никто не живёт... Но, КЕРГИШЕТ, постой! – она изучающе всматривалась в панораму поселения. – Я, пожалуй, ошиблась... Надо лет на десять позже... Можешь?

– Попробую.

Вид посёлка остался прежним, лишь промелькнули тени, а рядом с заброшенным строением, которое, похоже, время обошло стороной, появилось ещё одно, поменьше и покрытое камышовыми снопами.

– Вот! – облегчённо выдохнула Шилема. – Теперь можно выходить.

– Никогда, даже в снах, не думал и не предполагал, что можно вот так... Ах, КЕРГИШЕТ, а можешь на десять лет, пожалуйста?.. На десять, так на десять...

Арно что-то ещё говорил, а Иван вдруг увидел Симона, и только после этого осознал, что Симон – это внезапно раскрывшаяся точка на карте времени, что несколько побледнела на фоне посёлка, но довольно чётко вновь показывала движение ходоков в поле ходьбы.

– Симон! – воскликнул Иван. – В опасности!

Кимер Учителя не позволял ему находиться в таком далёком прошлом, во всяком случае, он находился на пределе возможности. Вот почему Иван решил, что Симон в опасности. К тому же Симон оброс щетиной, глаза его запали, и был он не один – его опекали или преследовали какие-то создания, образа которых Иван никак не мог уловить.

«Удильщики»

– Симон?.. Какой Симон? – почти благодушно прогудел дон Севильяк, хотя выкрик Ивана уже посеял в нём тревогу; но таков был дон Севильяк – быстро перестраиваться он не умел.

– Наш!.. Наш Симон! На него напали! – выкрикивал Иван, направляя облако со всем содержимым в нём к точке зоха в районе юга полуострова Индостан.

Облако хищной птицей словно падало к этой точке, и, несмотря на то, что она то терялась, то возникала вновь из-за перехода Симона и его преследователей в реальный мир и обратно в поле ходьбы, координаты её Иван знал точно.

Не прошло и минуты независимого времени, как уже все ходоки увидели Симона, окружённого существами, возможно, не из вида хомо сапиенс. Они были облачены в тёмные просторные одежды, ткань которых на изгибах лучилась чистым серебряным светом, оттого трудно становилось уловить истинный вид этих существ: в глаза бросалась рябь тёмного и ослепительно белого.

Симон, и это было заметно, сопротивлялся из последних сил, пытаясь выскочить за пределы круга, образованного вокруг него, частыми переходами из мира в мир. Но все его подвижки были обречены, потому что многочисленность, не менее полутора десятка, нападавших и их не меньшая степень подвижности во времени позволяли стеречь Симона, как в реальном мире, так и на дороге времени. Они постепенно выдавливали Симона за грань его кимера, а там у него – полынья: провалится и захлебнётся, тогда его можно брать без опаски. Ему уже приходилось не отступать, а лавировать.

Можно было бы всем ходокам выскочить и выхватить Симона из круга. Но у каждого из них, кроме Ивана, в этой точке зоха кимер был запредельным. Что здесь их могло ожидать, можно только гадать. Дон Севильяк, наверное, задохнулся бы или с ним случилось нечто более страшное. Поэтому Иван накрыл облаком всех действующих лиц, высунулся и выхватил Симона из круга.

– Вот вам! – радостно крикнул Арно, но возглас его потонул в свистящих звуках, издаваемых существами, непонятным образом ворвавшимся в недра облака.

В нём сразу стало тесно.

В нём стало слишком тесно.

До того Иван вводил в него очередного колониста, оно как бы неспешно вспухало, предоставляя новому пассажиру место. А под натиском этой новой оравы, внезапно вторгшейся в

неё ватаги, оно раздалось, но теснота появилась из-за скопления на малом пятачке ходоков и не прошенных гостей.

Стиснутые в плотную толпу люди и существа замерли от неожиданного противостояния.

Но вот взвизгнула одна из женщин, грохнул басовито дон Севильяк, зажатый со всех сторон своими и чужими, и – всё зашевелилось, задвигалось. Но лишь внутри тесного круга, так как ступить или позволить вольное какой-то сдвиг было некуда.

Иван, притиснутый к податливой стенке облака, с трудом склонился к Симону, в изнеможении сидящего в его ногах.

– Кто это?

– «Удильщики»... Тейши... – прохрипел Симон. – Надо уходить... В будущее... Ваня, в будущее...

На стоящего в неудобной позе Ивана навалился Арно, под руку скользнула Шилема.

– Ваня! – ревел дон Севильяк, напирая грудью на пришельцев, так как рукой не мог размахнуться. – Зачем ты их пустил сюда-а?

Колонисты, оказавшиеся по ту сторону неожиданных визитёров, вступили с ними в схватку, пытаясь оттеснить их от себя и потому, что было тесно, и оттого, что от них исходил неприятный специфический запах, вызывающий кашель.

Иван интуитивно дал команду облаку двигаться к своему монолиту будущего, но до всего остального доходил какими-то рывками, так как общего плана или хотя бы представления, что делать, не имел, да и не мог иметь. К тому же, удивляло появление целой гурьбы не прошенных им в облако гостей.

А они, оказавшись в неведомом для себя месте в тесном кругу неизвестных им людей, так же как и те находились в замешательстве, из которого люди вышли быстрее. Их напор уплотнил группу незнакомцев, зато разрешил пространство для себя, чтобы двигаться свободнее.

До сих пор не было понятно, кто противостоял им, кроме как реплики Симона, что это «удильщики».

Из-под нахлобученных почти до рта ни то шапок, ни то колпаков топорщились бороды и усы – редкие, стрелками, как у кошек. Да и движения у них – плавные и словно неторопливые – также походили на кошачьи: будто волнообразное переливание мышц, поз и поворотов. Впрочем, всё это могло диктоваться их просторным одеянием, скрадывающим резкие повороты и жесты.

– Ваня! – продолжал звать дон Севильяк.

Все его усилия куда-нибудь вытеснить пришельцев были подобны давлению в ком ваты: подаётся как будто, а всё – на том же месте и быстро зарастающая вмятина.

Иван же, следуя словам Симона, бессознательно гнал облако к будущему.

Неожиданно сквозь гущу незваных пассажиров облака к Ивану, охранявшего Симона от их посягательства, а они пытались достать его, протолкался невысокий, по сравнению с остальными, незнакомец. Он сдёрнул на затылок завесу с лица и на языке ходоков стал вторить Симону:

– В будущее!.. Быстрее в будущее!

У ходоков, как по Гоголю, немая сцена, а Симон подался вперёд и привстал на колено.

– Уршай!.. Ты?.. С ними?.. А эти?..

Уршай уже открыл рот, чтобы ответить, как на его плечо опустилась, затянута в широкую рукавицу рука, похожая на лапу, и рванула его опять в общую кучу пришельцев. Дон Севильяк молниеносно отреагировал, опустив, словно кувалду, кулак на длинную конечность существа, и с хрустом переломил её.

Раздался отчаянный... Нет, клёкот, кваканье, щёлканье, но только не вопль, свойственный человеку. Хотя, кто знает, как может закричать от боли и человек? И зубовный скрежет, и сдавленное мычание, и вой, присущий зверю...

– А, Уршай! Вот ты где окопался! – рывкнул, добавляя нарастающему шуму в облаке басовитые ноты, дон Севильяк, и тут же: – Ваня! Убери их!

Раздавшиеся крики послужили сигналом к неуправляемой свалке существ и людей.

Шилема, вынырнув из-под руки Ивана, нанесла ближайшему противнику удар коленом в пах и тут же издала уже настоящий вопль, наткнувшись на металлическую планку, охранявшую уязвимое место. Зато Арно коротким, но сильным тычком в область живота, уложил одного из незнакомцев. Уршай вертелся, отбиваясь от протянутых к нему лап, внося дополнительную сумятицу...

Облако достигло полутора тысячного года до новой эры. Иван нанёс удар ногой в грудь напирającego на него гостя и скомандовал людям и облаку:

– Всем наружу!.. Всем!

Облако подчинилось команде и все его пассажиры – вольные и невольные – оказались под холодным солнцем конца осени в редколесье, выросшему вдоль топких берегов клочка земли – будущего полуострова Зеландия, а сейчас едва выступающего из воды острова.

– Арно, женщины!.. Оружие к бою!

Но оружие, вернее патроны, оказались только у самого Ивана и у Джордана. У остальных – голые руки, впрочем, как и у противников. Новый неожиданный для них переход в новую обстановку замедлил их реакцию – это стоило им дорого. Иван бросил свой автомат Арно, тот ловко подхватил его и стал на защиту оттеснённых им женщин, в том числе Мать с детьми, которые так и не поняли до конца, что же такое творить вокруг них.

А Иван достал бластер и, не мучая себя нравственными нормами, вбитыми в его голову с детства, наспех перечеркнул две фигуры. Они распались на части, а оставшиеся в живых «удильщики», видя гибель своих сотоварищей, наконец, отступили. Люди смогли объединиться и стать сообща против них, похоже, признавших, если не своё поражение, то хотя бы в не безнаказанности своих атак против людей.

Впрочем, кто они, до сих пор оставалось не ясным.

Уршай кричал им короткие фразы на незнакомом языке. Лингвам Ивана выхватывал лишь отдельные слова, не связанные между собой, поэтому не мог понять: предлагал Уршай что-нибудь «удильщикам» или проклинал их. Однако и крики недавнего их сторонника, и надобность, в конце концов, выяснить, кто противостоит ходокам и колонистам, терялось у Ивана на периферии неотложных дел, хотя осознание их походило больше на смутные предположения, чем направленные на конкретные действия.

«Удильщики» подхватили останки убитых Иваном по частям, и купно ушли в поле ходьбы.

– Симон, что будем делать? – наклонился Иван к Учителю.

Слегка оправившийся Симон согнал с лица страдальческую мину, чтобы казаться способным что-либо решать, но вопреки ответу на вопрос осторожно спросил сам:

– Как ты, Ваня, сумел... всех?.. Сюда сразу?

– Подарок Нардита или... самого Времени. Не знаю. Это какой-то временной кокон... скользящий во времени. Я им могу уже управлять.

– Тогда, если ты можешь, надо бы проследить, откуда пришли эти «удильщики».

– А этот?.. Уршай?

– Потом.

– Хорошо. Джордан! – распрямился Иван. Фиманец, как всегда, оказался рядом, едва ли не под рукой Ивана. – Останешься здесь, с ними, – он кивнул на колонистов. – А мы, ходоки, посмотрим за «удильщиками».

Джордан вскинулся, было, готовый к противоречиям, но покорно склонил голову.

– Ты им скажи обо мне, чтобы слушались, а то... Начнут тут...

Колонистам, пережившим в течение короткого срока пребывания в облаке столько непонятных и неприятных действий, связанных с исходом в будущее, явно было всё равно, кто теперь останется с ними за старшего. Они вполуха выслушали Ивана, молча перевели взгляд на Джордана, пытающегося казаться значительным, и вяло покивали в знак согласия.

– Настреляй им дичи, накорми! – уже погружаясь в облако, Иван напомнил Джордану его обязанности.

– Ох, КЕРГИШЕТ! – успел вздохнуть фиманец, провожая едва заметное колебание тени, уходящего в иное время и пространство облака.

Уршай отвечал на нелюбезные вопросы ходоков.

У Ивана, не знавшего его, создавалось впечатление, что Уршай никогда не пользовался у ходоков почтением. У каждого из них был на него свой зуб. Но и Уршай не страдал особым обожанием к ним. Оттого вопросы и ответы порой уходили далеко в сторону, по мысли Ивана, от темы «удильщиков».

– Как тебя поймали?

– А! Я был у Анасиды, а потом...

– Опять ему наркотики носил? Мы же договорились, а ты, значит, решил, что договор этот не про тебя. Так что ли? – посуровел Симон.

– Ха! Не я, так кто-нибудь другой...

– Кто же, например?

– Ты меня на слове не лови. Мне и без того тошно! Побудешь у них... обростёшь не только этим, – Уршай дёрнул себя за бороду так, что в его руке оказался клочок волос; он брезгливо стряхнул их.

– А тебе не кажется, что тейшев на тебя натравил как раз он, Анасида? Мы же его, как ты знаешь, давно подозревали в связях с этими «удильщиками».

– Враньё всё это! – резко выкрикнул Уршай и тут же обречёно проговорил: – Может быть, и он. Я уже думал о том. Тейши напали на меня, когда я возвращался домой, и погнали в прошлое, пока я не стал захлёбываться в густом дыме.

Симон кивнул, возможно, знал, как выглядит у Уршая предел погружения во времени.

– Среди них был кто-нибудь ещё из наших? Как ты, когда гнали меня?

– Не знаю. Может быть, и был. Мне показалось, что кто-то говорил на языке ходоков.

– А зачем им мы?

– Не мы... Мы – что? Они хотят поймать, ни много, ни мало, а какого-то Повелителя Времени!

Ходоки как один произвольно повернули головы к Ивану, занятому лавированием облака, преследующим «удильщиков», медленно погружающихся в прошлое через непредсказуемую последовательность чередования пребывания то в реальном мире, то в поле ходьбы. Они подвигались к гряде, за которой Иван уже побывал с Джорданом, к границе между не то разновидностями, не то разно текущими временами. Где-то там притаился островок хырхоро.

Как Иван ни был занят, а словосочетание, высказанное Уршаем, царапнуло его. Он оглянулся на сказавшего и уловил на себе взгляды. Огрызнулся:

– Это не про меня!

А про себя чертыхнулся, потому что подозрение ходоков, да и по всему, что окружало и происходило вокруг него, мало оставляли сомнения, про кого упомянул Уршай.

«Ишь, ты, что выдумали, – подумал он и с удивлением и с нарастающей злобой к «удильщикам». – Им нужен не кто иной, как ни много, ни мало, а сам Повелитель Времени... Времени Повелитель... Чушь какая-то!»

А сердце замирало: Повелитель Времени – неужели о нём?

Уже даже не защитник, а Повелитель Времени!

Облако вплотную придвинулось к разделительной черте. Нечто подобное, наверное, видели перед собой и тейши. Может быть, и вправду некую возвышенность с расщелинами в ней для прохода в иное течение времени, так как они выстроились в затылок друг другу и извилистой цепочкой, начали пересекать барьер. Облако, как и в предыдущий раз, остановилось, словно упёрлось в тупик. Иван не стал его подталкивать.

– Они возвращаются восвояси, через разделительную границу между нашим и их временем, – сказал Иван. – Будем преследовать?

– Ты можешь?

– Не я, это... Облако может пересечь...границу. Впрочем, не знаю, как назвать...

– Не важно как назовёшь, – сказал Симон и подстегнул: – Так что там?

– Я вижу горный хребет, но нарисованный как на карте. Мы с Джорданом уже побывали по ту его сторону. Там...

– Я бы не совался туда, – быстро произнёс Арно. – Что там, мы не знаем. Пусть Уршай всё расскажет, тогда и подумаем, что и как делать. И вооружиться надо всем... Подготовиться. А уж потом... Какая спешка?

Иван посмотрел на Симона. Его измождённое лицо и тряпье, оставшееся от недавно элегантной одежды, сделали его похожим на маленького уставшего и забитого неурядицами мужичка, живущего впроголодь и бредущего от случая к случаю.

Сколько таких доходяг приходилось видеть Ивану в своей жизни!

Ему до слёз стало жалко Симона, словно постаревшего десятка на два лет, и всё, возможно из-за него. Если, конечно, «удильщикам» нужна была наживка в лице Симона, чтобы поймать его, Повелителя Времени...

Симон ещё только собирался ответить, как Иван принял решение:

– Арно прав. А вам, Симон, надо придти в себя. А эти... охотники за нашими ходоками никуда не денутся. Тем более... – Иван помедлил, соображая, следует ли говорить о своей заинтересованности разобраться с «удильщиками», если они намереваются изловить именно его. Но сказал: – Хочу побыть дома.

Симон выслушал его молча, смежил глаза, выражая согласие.

– Тогда, – Иван уже посылал облако к месту и времени, где были оставлены колонисты, – я вас высажу, где вы захотите, а я вернусь к Джордану...

– Мы с тобой, – разом отозвались Шилема и Арно, о том же чуть позже гуднул себе под нос дон Севильяк.

– Да, вы со мной. А ты Уршай? Из какого настоящего для тебя?

– Четырнадцатый век. Бухара...

– Оно и видно.

– Что... видно? – растерялся Уршай.

– А то, что ты из местных... Из тех мест.

– А-а... – непонимающе протянул Уршай.

– Пусть идёт сам! Кимер его позволяет. Дойдёт! – жёстко давя на последнее слово, произнёс Симон. – А ты, Уршай, сиди и жди нас! Подумай, что надо будет рассказать нам. – И, повернувшись к Ивану, Симон заверил: – Я знаю, где он обитает. Так что найдём! А сейчас... Вышвырни его... за борт!

Тон, каким было высказана резкая команда Симона, заставила ходоков подобраться и насторожиться: Симон не был похож на себя. Арно даже подумал: не подменили ли Симона. Но тот после внезапной вспышки, поник и даже стал оправдываться:

– Он может сам дойти, так же как и я могу. Мы могли бы уйти вдвоём, но он... Один раз уже предал, может и во второй.

Руки Уршай нервно задвигались, но он промолчал, по-видимому, Симон напомнил нечто, против чего не следовало спорить. Иван, сглаживая резкости Учителя, повторил Уршаю, по сути дела, то же самое, но спокойнее, как наставление:

– Я тебя высажу сейчас, а ты постарайся дождаться нас. Во всяком случае, меня и Симона. Нам надо знать о тейшах всё, что ты заметил, находясь у них. Всё! Выходи!

Уршай вдруг заволновался, затоптался на месте, хотя Иван указал ему, в какую сторону надо было шагнуть, чтобы выйти из облака.

– А что это? – повёл вокруг себя Уршай. Он до сих пор не знал, где находится, и почему здесь командует Иван.

– Не сейчас. Выходи! Там тысяча двести второй год до новой эры. Или... примерно тысяча восемьсот пятидесятый год до хиджры.

– О! – обрадовано воскликнул Уршай и тут же оказался вне облака.

Оно растаяло на его глаза. Он долго с прищуром напрягал их, чтобы ещё что-нибудь рассмотреть, но вокруг простиралась увалистая будущая Среднерусская равнина, с побуревшими травами конца лета.

Симон так же недолго находился с ходоками. Договорившись встретиться у Ивана в квартире, он покинул облако за две тысячи лет до того.

Головная боль расселения

Дымки угасающих костров подсказали Ивану, где он в спешке оставил колонистов во главе с Джорданом.

Памятуя о прошлой промашке, он тщательно подводил облако ко времени высадки. Но после того как встретился с Джорданом, он узнал, что колонисты здесь уже находятся почти три дня.

– Мог бы и раньше вернуться, – недовольно высказался Джордан, задирая голову, чтобы видеть лицо Ивана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.